

Глава четвертая

ОТНОШЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИИ

Логический анализ предложений о существовании

Из числа бытийных предложений в логике обсуждаются прежде всего утверждения о существовании в мире объектов, обладающих определенными свойствами. Такие утверждения соединяют концепт и реальную действительность. Они направлены от понятия к миру, от идеи к предмету. Если в предикатном предложении заданной считается субстанция (пресуппозиция существования), которой затем приписываются (предицируются) те или другие признаки (ср. *Этот конь гнедой*), то в экзистенциальном высказывании (утверждении о существовании) заранее данным считается некоторый набор, комплекс признаков, а суждение касается реализованности этих признаков в субстанции, имплицитно, что данное имя может (или, напротив, не может) в дальнейшем тексте употребляться референтно. Ср. *Пони существуют; конек-горбунок не существует*. Показатель бытия устанавливает связь между понятием и предметом, духом и материей. Он соотносит сигнификат имени и его денотат, т. е. «оперирует» на внутренней структуре имени. Эта особенность бытийного предиката обуславливает двойственный семантический статус существительного и служит источником логических парадоксов.

Итак, в сообщениях о существовании наличие концепта составляет предпосылку утверждения, а реализованность (или нереализованность) данного концепта в объекте образует его коммуникативное содержание. Поэтому в экзистенциальном высказывании не может фигурировать имя собственное или дейктическое слово, т. е. знак, не

выражающий никакого концепта. Нормой для бытийных предложений является употребление имен нарицательных. Когда говорят *Гомер не существовал*; *Пегас не существует*; *Дюймовочек не бывает*, за именем собственным, как это уже было отмечено Расселом¹, скрывается дескрипция, единичная или неопределенная, т. е. некоторый набор черт или сведений. Имя *Гомер* обычно означает «древнегреческий слепой певец, автор Иллиады и Одиссеи». Имя *Пегас* эквивалентно сочетанию «крылатый конь», а *Дюймовочке* соответствует дескрипция «девочка ростом в один дюйм». Сам вопрос о том, существовал ли Гомер (соответственно Пегас, Дюймовочка и т. п.), возможен только потому, что Гомер не есть имя. Применительно к именам собственным, которые по определению референтны, экзистенциальные высказывания излишни.

Логический анализ предложений типа *Гомер не существовал* представляет, как известно, значительные трудности². Он наталкивается на парадокс, суть которого состоит в том, что употребление имени *Гомер* в роли субъекта суждения основывается на пресуппозиции существования лица по имени Гомер, а предикат суждения отрицает его бытие. Пресуппозиция и предикат, таким образом, взаимоисключают друг друга: условием для утверждения о несуществовании Гомера является его существование. Если имя, представляющее субъект, не соотносено ни с каким элементом действительности, то суждение беспредметно. Оно, следовательно, в принципе не может быть истинным. Между тем предложения типа *Гомер не существовал*; *Золотых гор не бывает* не только истинны, но их предикаты отнесены не к чему иному, как к своим субъектам (Гомеру, золотым горам).

Приведенный парадокс разрешался логиками по-разному. Указывалось, что понятие существования не может считаться логическим предикатом, поскольку оно не представляет собой концепта, который мог бы быть добавлен к концепту предмета. Грамматическое строение предложений с глаголом *существовать* не соответствует поэтому их логической структуре. В их грамматическую

¹ B. Russell. Descriptions. «Semantics and the philosophy of language». Urbana, 1952, стр. 179.

² Логико-философская контроверза о статусе предложений этого типа резюмирована в статье: R. Cartwright. Negative existentials. «Philosophy and ordinary language». Urbana, 1963.

форму входят подлежащее и сказуемое. Они не выражают, однако, субъекта и предиката суждения. Экзистенциальное значение, свойственное этим предложениям, соответствует суждению о мире, а не об отдельном его элементе (мнение, восходящее к конденции Канта). Изложенная точка зрения отразилась на форме записи логического содержания предложений. В нотации современной логики значение существования было устранено из числа предикатов (пропозициональных функций). Вместо экзистенциального предиката был введен квантор существования $\exists$, характеризующий термы $\exists(x)$ и, в первую очередь, субъект суждения. Соединяясь с символом термина, квантор существования превращает свободную переменную в связанную, т. е. такую, которая не допускает подстановки любых значений.

Пресуппозиция существования, таким образом, включается в содержание любого суждения. Так, предложение *Эта роза красная* прочитывается «существует x такой, что для него истинны пропозициональные функции (предикаты) *роза* и *красный*».

Дж. Мур попытался дать чисто языковое обоснование мысли о том, что понятие существования не содержит указания на атрибут субстанции. С этой целью он привлек внимание к некоторым различиям в поведении англ. глагола *to exist* 'существовать' и глаголов, обозначающих предикатируемые предмету признаки. Так, например, субъект глагола *to exist* в отличие от субъекта прочих глаголов не допускает многих кванторов. Предложение *All tame tigers exist* 'Все ручные тигры существуют' лишено смысла, в то время как высказывание *All tame tigers growl* 'Все ручные тигры рычат' вполне осмысленно³. Незначимо также отрицательное суждение *Some tame tigers don't exist* 'Некоторые ручные тигры не существуют', при том что 'предложение *Some tame tigers don't growl* 'Некоторые ручные тигры не рычат' наделено значением. Предложение *Some tame tigers growl* утверждает, что 'пропозиция « x есть прирученный тигр и x рычит» истинна более, чем при одном значении переменной'. Между тем высказывание *Some tame tigers exist* утверждает только следующее: 'пропозиция « x есть

³ G. E. Moore. Is existence a predicate? — В кн.: G. E. Moore. Philosophical papers. London — N. Y., 1959, стр. 117.

прирученный тигр» истинна более чем при одном значении переменной³. Это различие в логической интерпретации совершенно аналогичных по форме предложений объясняется не тем, что высказывание *Это ручной тигр* и *(он) существует* совершенно эквивалентно высказыванию *Это ручной тигр*, а скорее тем, что высказывание *Это существует* не выражает вообще никакой пропозиции. Между тем, такие предложения, как *Это ручной тигр* и *(он) рычит*, *Это (животное) рычит*, осмысленны³.

Если, говоря, что понятие существования не составляет предиката, который может занять место других предикатов, заключает Дж. Мур, имеют в виду указанные различия в языковом поведении глагола *to exist* и других глаголов, то такое утверждение справедливо⁴.

В ином, не столь крайнем виде парадокс истинности может быть проиллюстрирован предложениями с неэкзистенциальными предикатами. Ср. *Санта Клаус живет на Северном полюсе*; *Пегас — это крылатый конь*. Такие суждения признаются истинными и вынесенными о своем субъекте, несмотря на то, что последний с очевидностью не удовлетворяет пресуппозиции существования. Путь к решению приведенного парадокса некоторые логики искали в признании особого мира фикции и фантастики, населенного сказочными существами и литературными персонажами. К этим мирам относятся суждения о предметах, лишенных реального существования. Наиболее тонким и в известном смысле софистичным из вариантов этого подхода является решение, предложенное в 1904 г. А. Мейнонгом.

А. Мейнонг, развивая теорию объектов, обосновывал в ней возможность говорить о двух видах существования предметов — материальном и чистом (логическом) бытии предмета (*Sein* и *Sosein*). Наличие у предмета тех или иных свойств не зависит от его реального существования. Для того, чтобы выносить истинные или ложные суждения, достаточно чистого бытия предмета, т. е. существования некоторого концепта. В этом идеальном концепте *Пегас* наделен определенными свойствами. Суждения, утверждающие эти его свойства (например, свойство быть крылатым конем), истинны; суждения, отрицающие их, ложны. Чистое, вынесенное за пределы мира, существование

⁴ G. E. Moore. Указ. соч., стр. 124.

(Aussersein), по Мейнонгу, первично по отношению к вопросу о реальном существовании. Для того чтобы поставить этот последний вопрос применительно к предмету или классу предметов, следует исходить из допущения их бытия. Объект, о существовании или несуществовании которого мы намерены вынести суждение, должен быть нам дан заранее в виде некоторого концепта. Для того чтобы знать, что круглых квадратов не существует, следует вынести суждение именно о круглых квадратах, проанализировав совместимость признаков, образующих данное понятие ⁵.

А. Мейнонг, таким образом, решал проблему неререферентных суждений апелляцией к некоторой третьей форме бытия — квазибытию, присущему всем предметам, соотносимым с концептами, в том числе и индивидуальными. Эта форма бытия не имеет своей противоположности: она не противопоставлена небытию. Решение Мейнонга развивается в русле идей Ф. Brentano о различении физических актов, предполагающих реальное существование объекта, и интенциональных, или ментальных, актов, утверждение которых не имплицитно предполагает существования предмета. Мейнонг был склонен видеть в референции скорее интенциональный (относящийся к концепту), чем физический (относящийся к предмету) акт.

Подход Мейнонга вызвал резкое возражение со стороны Б. Рассела, который весьма саркастически напомнил, что представление о странном мире несуществующих предметов оскорбляет то чувство реальности, которое полезно сохранять даже в самых абстрактных исследованиях ⁶. Отвергнув теорию объектов Мейнонга, равно как и все другие теории, основывающиеся на мысли о том, что субъект всякого значимого предложения должен относиться к предмету, обладающему бытием в том или другом (реальном или гипотетическом) мире, Б. Рассел в 1905 г. изложил иную концепцию денотации, которая затем превратилась в теорию дескрипций, составившую не только краеугольный камень теории референции, но и стимул развития теории пресуппозиций (см. выше, в гл. III. «Элементы теории референции»).

⁵ A. Meinong. The theory of objects. «Realism and the background of the phenomenology». Ed. by R. Chisholm. Glence, 1960.

⁶ B. Russell. Указ. соч., стр. 170.

Общие принципы лингвистического анализа бытийных предложений

Как видно из предшествующего раздела, предметом логического анализа явились лишь некоторые образцы экзистенциальных высказываний, прежде всего предложения с глаголом *существовать*, в которых особый коммуникативный акцент падает на мысль о бытии в мире индивидуальных (единичных) объектов (Гомера, Зевса) или классов объектов (гномов, кентавров, снежного человека). Такие высказывания в естественном языке по существу являются производными от нейтральных, контекстуально независимых форм экзистенциальных предложений типа *В Древней Греции был слепой певец по имени Гомер; в мире есть гномы*. Устранение обстоятельства места выносит в коммуникативный фокус показатель бытия⁷, превращая его в связку между понятием и реальным предметом. Ср. *Гномы есть* (существуют) *в мире* → *Гномы есть* (существуют).

В естественных языках, однако, гораздо более употребительна полная форма бытийных предложений, содержащая характеристику не мира, а некоторой его области. Экзистенциальные высказывания, относящиеся к определенному фрагменту мира, имеют иной смысл. В них исходным пунктом сообщения, данным является указание на область бытования. Показатель бытия совместно с именем предмета или класса предметов создает сообщаемое экзистенциальных предложений. Ср. *В этом лесу | есть волки; Здесь | нет змей; В этом краю | много озер*. Утверждение о существовании, сделанное применительно к ограниченной области бытия, утрачивает абсолютность. Оно переводится в план предметной характеристики некоторого пространства.

Многочисленные семантические и коммуникативные разновидности собственно бытийных предложений, которые встречаются в языках, представляют меньше интереса для логиков. Между тем анализ разнообразного и в известной степени противоречивого языкового материала,

⁷ О связи утверждений о существовании с локативными предложениями см.: *C. Kahn. The Greek verb to be and the concept of being. «Foundations of language», 1966, N 3; J. Kimball. The grammar of existence. «Papers from the Ninth regional meeting of Chicago linguistic society», Chicago, 1973.*

образуемого предложениями, так или иначе связанными с идеей бытия, наличия, существования, чрезвычайно поучителен для лингвиста. Он раскрывает пути семантического развития определенного типа предложений, взаимодействие в его структуре лексического, коммуникативного и общеграмматического значений, в результате которого высказывание приобретает полифункциональность. Втягивая все более широкие слои лексики, синтаксическая модель получает такие многообразные семантические потенции, что оказывается способной удовлетворить практически любой коммуникативной задаче.

Выше отмечалось, что экзистенциальные отношения отличны от предикатных. Если все же искать в экзистенциальных предложениях аналог суждения, то его субъектом следует признать мир или некоторый его фрагмент (обстоятельство места), а предикат видеть в указании на наличие в мире объектов определенного класса (т. е. в совокупности бытийного глагола и имени). Тем самым смысловое членение бытийных предложений в общем случае должно проходить не там, где его намечает формальный синтаксический анализ⁸. Ср. *В том лесу | были волки*, а не *В том лесу были | волки*. Имя в экзистенциальных предложениях, будучи частью предиката суждения, лишено референтности: оно не является знаковым заместителем конкретного предмета или класса предметов. Предложения типа *У меня есть эта книга* не составляют контрпримеров, поскольку указательное местоимение в данном случае служит эквивалентом местоименного прилагательного *такой*: *У меня есть эта книга* = *У меня есть такая книга*. В экзистенциальных предложениях, относящихся к идеальной сфере бытия (концепциям, системам понятий и пр.), имя регулярно встречается с указательным местоимением, не противопоставленным местоименному прилагательному. Ср. *В статье есть эта (такая) мысль*; *У меня было это (такое) соображение*; *У него нет этого (такого) подозрения (желания, намерения)*. Подобное употребление можно объяснить различием субстанционального и «идеального» тождества. Ср. — *У меня есть подозрение, что мальчик лжет*. — *Это подозрение есть и у меня*

⁸ О функции локализатора в бытийных предложениях см.: Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, стр. 97.

при невозможности: — *У меня есть сад.* — *Этот сад есть и у меня.*

Признак неререферентности, являющийся постоянной чертой имени в бытийном предложении, принципиально отличает его от субъекта суждения, составляющего логический субстрат классического подлежащего.

Поскольку цель настоящей работы заключается в выявлении смысловых (а не абстрактно-грамматических) структур, бытийные предложения рассматриваются не в терминах подлежащно-сказуемостного анализа, не соответствующего их логико-семантической организации, а в терминах семантических составляющих. Классические бытийные предложения состоят из трех основных компонентов: один из них фиксирует область бытия или пребывания, другой указывает на бытующий в этой области объект или класс объектов, третий — на факт бытия, пребывания или наличия. Ср. *Давно тому назад, в городе Тифлисе* (область бытия, локализатор), *жил* (показатель существования) *один богатый турок* (бытующий предмет). Хотя, как видно из приведенного примера, область бытия может быть зафиксирована по пространственному и временному параметрам, преобладающим для классических бытийных предложений, следует считать пространственное представление о мире⁹, естественно сочетающееся с понятием конкретного предмета, составляющим первичное значение имени в предложениях анализируемого типа.

В русском языке первые два компонента бытийных предложений чрезвычайно мобильны и претерпевают постоянные изменения, третий компонент, утверждающий идею бытия, относительно стабилен, составляя ту основу, благодаря которой может быть *grosso modo* определена и очерчена необычайно широкая для русского языка сфера бытийных предложений, выделению которых способствует специфический предикат настоящего времени индикатива *нет*.

Соображения места и композиционной пропорциональности не позволяют с должной степенью полноты охватить все поле экзистенциальных предложений русского языка. В частности, вне описания останутся лексические способы

⁹ О типах «пространств» (в широком смысле этого слова), допустимых бытийными предложениями, см.: О. Н. Селиверстова. Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975 стр. 35 и след.

выражения бытийности, т. е. синонимы глагола *быть* и вопрос об их видовой парадигме.

Для понимания импульсов развития бытийных предложений существенно учитывать их коммуникативную структуру. Последняя теснейшим образом связана с такими явлениями, как: 1) характер референции входящих в предложение имен, 2) выбор номинации для обозначения тех предметов действительности, о которых делается сообщение, 3) тип синтаксического отношения, организующего предложение.

Каждая из названных выше составляющих русских бытийных предложений может быть актуализована, превращена в коммуникативное ядро высказывания. Перемещение фокуса сообщения может либо отражаться только на актуальном членении высказывания, на распределении в нем логических акцентов, либо иметь своим следствием изменение синтаксического строения предложения.

Если в коммуникативный фокус попадает бытийный компонент, то в предложении утверждается идея существования в макро- или микромире какого-либо предмета. Ср. *Снежный человек (не) существует; Змеи здесь есть; Собаки у меня нет*. Информация об области бытия и классе бытующего предмета относится в этом случае к коммуникативным пресуппозициям высказываний. Она считается заранее данной: место пребывания и класс предмета, о котором идет речь, уже определены, установлены к моменту коммуникации. Ср. *Здесь есть библиотека? Да, библиотека здесь есть; У тебя есть дача? Нет, у меня дачи нет*.

Рему бытийных предложений может составить имя «вводимого в бытие» предмета. В этом случае высказывание сообщает о классе (или классах) предметов, локализованных в той или иной зоне бытия. Ср. *Что на нем? На нем треугольная шляпа и серый походный сюртук; Кто там? Там наши друзья; У тебя в корзине яблоки? Нет, грибы*.

К коммуникативным пресуппозициям, на которые опирается говорящий, относятся сведения об области бытия и факте наличия в ней некоторого предмета. Сообщение либо касается разряда предмета, т. е. некоторой совокупности свойств, либо индивидуализирует бытующий предмет. Ср. *Что там на столе? (а) На столе портфель, (б) На столе твой портфель*. В обоих случаях отношения экзистенции преобразуются в отношения иного типа.

В первом примере сообщаемое базируется на классифицирующей предикации, т. е. предикации, выделяющей в предмете не один признак, а набор, совокупность признаков (то, что лежит на столе, относится к классу портфелей); во втором примере предложение организовано отношением идентификации (то, что лежит на столе, идентично портфелю адресата речи).

Таким образом, актуализация имени бытующего предмета отдельно от бытийного компонента выводит сообщение из сферы собственно экзистенциальных высказываний.

Наконец, сообщаемое предложений наличия может быть в принципе сконцентрировано в обстоятельстве места или времени (в «области бытия»). Подобная актуализация однако не характерна для собственно экзистенциальных предложений. Она противна самой их природе: экзистенциальное высказывание отталкивается от локализатора как от известного, данного. Наоборот, имя предмета в бытийных предложениях лишено конкретной референции. Между тем, в высказываниях локального образца указание на место составляет сообщаемое, а имя отнесено к конкретному предмету. Ср. *Где ключ? Ключ в двери; Где твоя шляпа? Она на вешалке, Где Петя? Петя на службе.* Приведенные предложения выражают предикацию локального отношения и их можно было бы здесь не затрагивать, если бы не следующая особенность русского синтаксиса.

В русском языке существуют точки пересечения между экзистенциальными предложениями и предложениями локального отношения. Когда ставится или предполагается общий вопрос локального типа, то отрицательный ответ на него допускает двоякое строение. Ср. *Мое пальто на вешалке? 1) Нет, твое пальто не на вешалке, 2) Нет, твоего пальто нет на вешалке.* Хотя формальная структура первого варианта находится в соответствии с принципом построения позитивной формы (ср. *Твое пальто на вешалке — Твое пальто не на вешалке*), реально более употребителен второй вариант, следующий экзистенциальной модели. Бытийное построение локальных предложений имеет общепризнаваемое значение: *Петя здесь? — Нет, Пети здесь нет* (= Петя не находится здесь).

Если бы локальные предложения не пользовались отрицанием *нет*, то в них общее отрицание для форм настоящего времени не отличалось бы от частного отрицания,

относящегося к локализатору, т. е. предложение *Петя не здесь* могло бы означать и 1) Петя не находится здесь и 2) Петя находится не здесь (а в другом месте). Язык, однако, дифференцировал эти смыслы, включив в систему форм локальной предикации отрицание *нет*, заимствованное у бытийных предложений. Между тем позитивные локальные предложения с нулевой связкой допускают две интерпретации при одном и том же актуальном членении: *Петя / здесь* может быть понято и как общее утверждение и как утверждение, в котором логический акцент падает на локализатор. Хотя эти значения близки друг другу, между ними все же есть различие.

Отмеченная для локальных предложений логическая двусмысленность не характерна для собственно бытийного типа: в нем соответствующие смыслы дифференцируются при помощи глагола *есть*, на основе которого, как известно, и сформировалось бытийное отрицание. Ср. 1) *Здесь есть грибы — Здесь нет грибов*; 2) *Здесь грибы (а не ягоды) — Здесь не грибы (а ягоды)*. В отличие от экзистенциальных предложения локального значения не дают параллелизма в употреблении *есть — нет* (*Петя здесь — Пети здесь нет*), что, как кажется, подтверждает вторичность употребления в них бытийного отрицания.

Итак, экзистенциальное *нет* в локальных предложениях имеет общеотрицательное значение. Оно исключает необходимость противопоставления и часто используется при желании избежать позитивного ответа на частный вопрос. Ср. *Позвольте узнать, — сказал Чичиков с поклоном, — здесь дела по крепостям? Старик поднял глаза и произнес с расстановкой: «Здесь нет дел по крепостям»* (Гоголь). Выбор отрицания *нет* вместо *не*, уместного в данной ситуации (ср. *Дела по крепостям не здесь, а в другом углу комнаты*) вызвано нежеланием дать нужную справку.

Заметим, что частное отрицание требует позитивного противопоставления по той причине, что оно не исключает факта существования объекта (актанта), имплицитруемого предикатом. Ср. *Я дал деньги не Петру*. Значение глагола *давать*, не подпадающее под отрицание, предполагает существование получателя денег.

Однако в некоторых случаях локальное сообщение может относиться к неопределенному предмету и быть в силу этого более близким к экзистенциальному типу, ср. *Где здесь (имеется) молочная? Где у тебя посуда (та-*

бак, белье, штопор и пр.)? К коммуникативным пресуппозициям приведенных вопросов относится предположение о существовании в данной сфере объекта определенного функционального разряда (молочной, сберкассы, диспетчера, телефонной будки, столовой и пр.). Коммуникативная цель высказывания состоит в уточнении местонахождения предмета. Описываемая ситуация логически затемнена: остается неясным, можно ли считать достаточным для референтного употребления имени опоры на предположение о том, что в данном пространстве должен находиться предмет определенного класса, т. е. можно ли в описанной ситуации строить предложение по локальной модели, ср. *Где находится здешняя молочная?* (= Где находится та молочная, которая, по моему предположению, должна быть поблизости?).

Колебания в логической интерпретации такого рода ситуаций вызывают колебания в их языковом выражении. Можно заметить, что в вопросе реализуется некоторая промежуточная между экзистенциальной и предикатной структура, ср. *Где здесь сберкасса?* Связь вопроса с экзистенциальной моделью обнаруживает себя в неупотребительности предиката *находиться*, сочетающегося только с референтным субъектом (этот признак отличает его от глагола *иметься*). В приведенных условиях гораздо более естественны вопросы *Где здесь имеется сберкасса?* *Где здесь есть сберкасса?*, чем *Где здесь находится сберкасса?* Вопрос о местонахождении неопределенного объекта в сущности объединяет экзистенциальное предположение и основывающийся на его истинности локальный вопрос: *Где здесь (имеется, есть) сберкасса?* = Где-то здесь, вероятно, есть сберкасса. Если это так, то где именно она находится? В разговорной речи вопрос иногда строится непосредственно на базе экзистенциальной интродукции, ср. *Скажите, где-то (где-нибудь) здесь есть сберкасса?* Простое подтверждение наличия сберкасс в данном районе без уточнения ее координат едва ли удовлетворит спрашивающего.

Если вопрос сохраняет ориентацию на экзистенциальную структуру, то в ответе предпочтение отдается субъектно-предикатному высказыванию с локальным сказуемым. Это объясняется тем, что отвечающий имеет больше оснований употреблять имя референтно, т. е. относить его к вполне определенному, известному ему и предполагае-

мому адресатом, объекту. Ср. *Где здесь сберкасса есть? Сберкасса (находится) за углом направо.* При наличии альтернативы возможен полуэкзистенциальный тип ответа: *Есть одна за углом, а другая в конце этой улицы.*

Если сообщение касается неопределенной совокупности предметов, а не единичного объекта, то ситуация также может оказаться не вполне логически прозрачной, ср. *Где бывают (есть, встречаются, водятся) тигры? У нас в стране тигры водятся (есть, встречаются) в Уссурийском крае.* В таких предложениях речь идет не о целиком взятом классе предметов и не об известной его части, что давало бы возможность строить предложение по типу предикации локальных отношений (ср. некорректность высказывания **Тигры находятся в Уссурийском крае*). С другой стороны, подобные высказывания не вполне соответствуют и предложениям экзистенциального типа, поскольку указание на «область бытия», являющееся для бытийных предложений отправным пунктом сообщения, данным, в анализируемых высказываниях составляет само сообщаемое или «вопрошаемое». Предложения этого разряда являются своего рода лимитрофами, соединяющими признаки предикатных и бытийных конструкций.

Русский язык разрешает указанную логическую коллизию лексическим путем, прибегая к глаголам, требующим субъекта со значением неопределенной части класса (*водиться, встречаться*). Наличие таких глаголов, подобно наличию кванторов неопределенности, позволяет оформлять сообщения о неконкретном объекте по субъектно-предикатному образцу. Заметим, что глаголы бытийного значения (*находиться, водиться, обитать, иметься, встречаться*) различаются главным образом характером референции имен, который, по-видимому, должен отмечаться в соответствующих словарных статьях.

* * *

Итак, высказывания, ставящие в фокус бытийный компонент, противопоставлены предложениям «небытия», отсутствия, несуществования. Для них основным является вопрос «быть или не быть». Ср. *У тебя есть штипор (зеркало, дела, язва желудка, родинки, лысина, деньги и т. п.)? — Да, у меня есть штипор (зеркало, дела, язва*

желудка, родинка, лысина, деньги и пр.); Нет, у меня нет штопора (язвы, лысины, денег и пр.). Если ситуация не допускает этой оппозиции (например, предмет не может «не быть», отсутствовать, как в случае с органическими, неотъемлемыми частями целого), актуализация бытийного компонента возможна только при чрезвычайных обстоятельствах.

Для высказываний, в которых сообщаемым является тип имеющихся предметов, существенен «антогонизм классов», противопоставление одной совокупности классификационных признаков другому набору различительных черт. Ср. *Что у него на столе? — У него на столе книги (а не тетради, журналы и пр.); Какое у него заболевание желудка? — У него язва (а не гастрит и пр.).*

Высказывания, в которых коммуникативный фокус направлен на область бытия или пребывания, противопоставляют истинное местонахождение предмета (или класса предметов) его ошибочной локализации. Ср. *У нас тигры водятся в Уссурийском крае (а не на Нижней Волге); Где здесь сберкасса? Сберкасса за углом направо (а не налево).*

В первом случае отрицание относится к наличию, бытию некоторой субстанции (для наст. вр. бытийный отрицательный предикат *нет*), во втором и третьем случаях — к атрибутам субстанции, ее признакам, свойствам, отношениям, качествам (предикатное отрицание *не*). Только *нет* противостоит экзистенциальному *есть*¹⁰. Тип *есть — нет* составляет ядро поля экзистенции, один из краев которого смыкается с областью предикации. Граница между этими сферами, одна из которых соответствует сообщениям о наличии субстанции, снабженной определенными признаками, другая — сообщениям о наличии некоторых признаков в данной субстанции, не проходит в русском языке четко.

¹⁰ Элемент *не* в бытийных предложениях иногда рассматривается как частичное отрицание, входящее в позитивное по своему общему смыслу высказывание, в котором он служит целям противопоставления (см.: I. A. Evreinov. Die Semantik einer Nullform: Versuch einer neuen Definition der Kopula im Russischen. «Linguistics», 1973, N 98, стр. 52). Точнее было бы сказать, что отрицание *не*, относясь к признакам, атрибутам субстанции, а не к самому ее существованию, свидетельствует об изменении логико-синтаксического содержания бытийных предложений.

Как уже отмечалось, отсутствие ясной демаркационной линии между экзистенциальными и предикатными отношениями связано с возможностью двоякой логической интерпретации одной и той же ситуации. Кроме уже приводившихся, сошлемся еще на один пример. Сообщения о свойствах неопределенного предмета или неопределенной части класса могут строиться либо по экзистенциальному типу (ср. *есть дети, которые не хотят слушаться своих родителей*), либо по предикатной модели с показателем неопределенности при субъекте (ср. *некоторые дети не хотят слушаться своих родителей*). Во втором случае, благодаря квантору, осуществляется синтаксическая унификация экзистенциального и предикатного отношений: и те и другие оформляются по подлежащно-сказуемостному типу.

Чтобы показать, сколь зыбка и извилиста граница между экзистенциальными и предикатными отношениями и до какой степени зависим сам тип отношения от размещения коммуникативных акцентов, рассмотрим следующие два варианта реплицирования на одно и то же сообщение: — *Петя болен. У него грипп.* 1-й вариант — *Нет у него нет гриппа. Он здоров.* — *У него все-таки есть грипп.* 2-й вариант: — *Ничего подобного, у него не грипп, а катар верхних дыхательных путей.* — *Нет, у него все-таки грипп.*

Коммуникативный акцент на показателе бытия (*есть — нет*) удерживает предложение в рамках бытийности. Смещение коммуникативного фокуса на признаки предмета (противопоставление одних признаков другим при заданности рода явления) преобразует отношения экзистенции в предикацию, ср. *У него не грипп, а катар верхних дыхательных путей* = тот недуг, которым он болен (его болезнь), катар, а не грипп. Опровержение предпосылки «диагностического» утверждения (т. е. сообщения *Петя болен*) через отрицание конкретного диагноза (гриппа), равно как и подтверждение наличия некоторой болезни (родового явления) через сообщение о конкретной болезни, требуют экзистенциальной модели (*У Пети нет гриппа. У него все-таки есть грипп*), а возражение только против конкретного диагноза, равно как и сообщение об этом диагнозе логически базируются на предикатных отношениях, приписывающих определенному предмету или явлению некоторые признаки. В предложениях этого

второго типа поэтому отсутствует в настоящем времени *есть* и отрицанием служит *не* (*У Пети не грипп*)¹¹.

Приведенный пример показывает, сколь необходимо в анализе экзистенциальных предложений обращать внимание на их коммуникативную целенаправленность, их место в общем речевом контексте.

Коммуникативные различия бытийных предложений имеют своим следствием различия в типичных для каждой разновидности способах номинации предмета.

В экзистенциальных предложениях, начинающих текст, принята номинация общего характера. Ср. *Был в той деревне один мужик; Есть в нашем городе один дом; Есть у меня к тебе одно дело.*

Если в коммуникативный фокус предложения попадает класс бытующего предмета, то он может быть назван именем, или именным словосочетанием, содержащим более специфическую характеристику предмета. Предмет или событие допускают обозначение качественной и оценочной номинацией. Ср. *У него хороший голос; У нее прелестные малютки.*

Если утверждаемым является местонахождение предмета или указание на место происхождения, а все предложение выражает локальную предикацию, то «бытующий предмет» может быть обозначен дейктическим словом и именем собственным. Ср. *Это было в Одессе; Петр дома; Ивановы у нас.*

Коммуникативная перспектива высказывания, таким образом, тесно связана с семантическим типом входящей в него номинации предмета.

Между охарактеризованными тремя коммуникативными разновидностями предложений существует известная соотносительность по семантическому объему. Постепенное сужение обозначаемого класса можно проиллюстрировать следующей последовательностью высказываний: *У меня есть для тебя подарок (у меня что-то для тебя есть); У меня для тебя французский модный журнал; Он у меня в портфеле.* В первом предложении делается сообщение о бытии (наличии) некоторого предмета (широкая номинация), во втором — о том, что представляет собой этот предмет (более узкая, характеризующая номи-

¹¹ О. Н. Селиверстова. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть*. — ВЯ, 1973, № 5.

нация), третье сообщение касается местонахождения конкретного предмета (личное местоимение).

Если бы второе предложение было передвинуто в начало текста, то оно содержало бы информацию не только о классе предмета, но и о его наличии. Вследствие этого в него пришлось бы включить *есть*. Ср. *У меня для тебя есть французский модный журнал; Он в портфеле*. Этот пример подводит нас к особому типу бытийных предложений, в которых область сообщаемого расширена до двух или даже трех компонентов. В предложениях *Есть у меня один знакомый. Был в нашей деревне один мужик. Жил-был в нашем городе один купец* сообщается и о факте существования некоторого предмета, и о том, к какому классу он принадлежит. Обозначение области бытия в случае ее неопределенности может быть опущено. Ср. *Жил-был один человек*. Предложения данного типа служат интродукцией к тексту, т. е. к последующим сообщениям о предмете, который они вводят в фонд общих знаний собеседников, выделяя из ряда однородных объектов. Обстоятельство места (область бытия) обычно позволяет «зацепить» данное сообщение за уже существующие у адресата речи сведения, связать с чем-либо ему знакомым.

Интродуктивные предложения часто бывают «эгоцентричны», т. е. в них известной величиной служит личность рассказчика, через отношение к которой ограничивается область бытия, ср. *Есть у меня один приятель; Был у меня один ученик*. В интродуктивных предложениях всегда речь идет об объекте, известном говорящему, но незнакомом адресату. При абсолютном, т. е. не опирающемся на личность говорящего, начале все три составляющие бытийных предложений могут относиться к сообщаемому, ср. *Жил-был в одном городе ухарь-купец*.

Для интродуктивных предложений характерно употребление в настоящем времени глагола *есть*, в прошедшем времени при глаголе *быть* может появляться показатель одушевленности (*жил-был*), типичный для произведений фольклора, при имени в единственном числе обычен (но не обязателен) показатель неопределенности *один*, иногда выносимый в постпозицию. Последний не включается в предложения, вводящие в повествование единичный объект, идентифицируемый с классом объектов. Ср. *Жил-был Слон (Медведь, Лев и пр.)*.

Поскольку интродуктивные предложения в информативном отношении не автономны, т. е. их роль состоит в подготовке последующих сообщений, а числительное *один* (как и другие числительные) в них выполняют выделительную функцию, такие высказывания не служат целям сообщения об общем количестве объектов определенного рода в данной «области бытия». Когда говорят *Есть у Петра два друга*, из этого сообщения не следует делать вывод об общем числе друзей Петра. Напротив, целью самоценного, не предполагающего продолжения высказывания *У Петра два друга* является именно сообщение о количестве друзей Петра. Ср. также *У нашей кошки есть один котенок* и *У нашей кошки один котенок*.

Высказывание *У нашей кошки был один котенок* двусмысленно: оно может быть понято в интродуктивном смысле, предполагающем выделительную по отношению к совокупности однородных предметов функцию числительного (т. е. *один из...*), но его можно интерпретировать и как самодовлеющее сообщение о количестве котят. Во избежание недоразумений эти два значения иногда различаются порядком слов и интонацией. Ср. *Был у нашей кошки один котенок* (интродуктивное значение) и *У нашей кошки был один котенок*. Некоторое повышение интонации к концу фразы, являющееся знаком незаконченности сообщения, характерно для интродуктивного высказывания; завершенная интонация — для самоценного сообщения о количестве.

Интродуктивные предложения неупотребительны в отрицательной форме (если она не получает позитивного смысла). К ним не может быть поставлен вопрос. Последнее обстоятельство связано с расширением коммуникативного фокуса, охватывающего более одного компонента.

Экзистенциальная интродукция к тексту обычно сопровождается индивидуализацией вводимого в «универсум речи» (universe of discourse) лица или предмета. Индивидуализирующая характеристика может непосредственно включаться в интродуктивное предложение. Ср. *Итак, в одном департаменте служил один чиновник, чиновник нельзя сказать, чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что называется геморoidalным* (Гоголь); *Был у меня в то*

время приятель, матрос Сиротенко, тоже наш, с Украины. Служил на броненосце «Пантелеймон», бывшем «Потемкине» (Паустовский); У меня на Оке был друг садовник, большой души человек (Паустовский); Есть у нас арендатор — мелкий мошенник (Блок, Дневники); У меня есть один знакомый — занимается биологией (разг.).

Интродуктивные предложения настоятельно требуют продолжения. Отсутствие продолжения обмануло бы ожидания адресата, оставило бы у него чувство информативной неудовлетворенности. Заминка после интродуктивного предложения обычно вызывает со стороны собеседника поощрительную реплику. Ср. *Есть у меня тут приятель один... такой друг! такой друг! [...] — Ну-с, так приятель... что же этот приятель?* — поощрил я его (Салтыков-Щедрин). Интродуктивные высказывания, таким образом, лишены автономности: текст не может быть ими ограничен. В них имя имплицитно (а иногда и эксплицитно) сопровождается придаточным ... *о котором я хочу рассказать (что-то сообщить)*. Такого рода имплицитное или эксплицитное придаточное служит выделению некоторого объекта из числа других объектов, входящих в данную область бытия. Поэтому в интродуктивных предложениях присутствует идея не только некоторого пространства, но и пребывающей в ней совокупности объектов (см. ниже).

Итак, интродуктивные бытийные предложения маркированы относительно текста, занимают в его структуре особое место. Их функция состоит в введении лиц, предметов, явлений, событий и пр. в предметную область предложения языка в заданных условиях коммуникации. Иначе говоря, интродуктивные высказывания имеют своей целью расширение числа тех предметов, о которых может быть сделано сообщение, понятное адресату речи.

Имя, входящее в интродуктивное высказывание, может иметь не только предметное, но и событийное значение. В этом случае оно также обозначает широкий понятийный класс, конкретизируемый в последующих сообщениях. Ср. *«Есть одно происшествие в моей жизни», сказал он. «Доныне я не могу понять, что был тот странный образ, с которого я написал изображение»* (Гоголь).¹ Наконец, следует отметить еще один очень важный для русского языка способ актуализации бытийных предложений: коммуникативный фокус может захватывать

в них только качественную или количественную характеристику бытующего предмета. Ср. *Платье на ней было старенькое; Книг у него было много*. Этот вид актуализации изменяет членение предложения: его субъектом становится имя бытующего предмета, который стремится получить конкретную референцию, сделав своим детерминантом локализатор, а его предикатом становится определение имени, которое стремится соединиться с модально-временными категориями глагола *быть*. Ср. *На ней | было старое платье и Платье на ней | было старое. У него | было много книг и Книг у него | было много*.

Рассмотрим специфику актуализации качественного определения. Этот случай представляет интерес в следующем отношении. Если имя бытующего предмета получает конкретную референцию (например, в силу единичности или ограниченности предметов определенного разряда, входящих в данную «область бытия»), то актуализация его качественного определения ведет к преобразованию экзистенциального отношения в предикатное. Ср. *У него были большие и сильные руки → Руки у него были большие и сильные → Руки у него (не) были большими и сильными*. Синтаксическая реорганизация заметна уже в изменении порядка слов: субъект выдвигается на первое место и к нему примыкает локализатор, получающий функцию детерминанта. Для некоторых членов синтаксической парадигмы такой порядок слов обязателен. Ср. *Руки у него не были большие (большими)*. Перераспределение синтаксических ролей выявляется и в использовании творительного предикативного (*Нос у него был прямым, руки большими*).

Перестройка экзистенциальной модели в предикатную, затронув порядок слов, форму прилагательного и способ выражения отрицания (*не* вместо *нет*), не коснулась, однако, оформления детерминанта имени: локальное *у меня* и пр., став эквивалентом притяжательного местоимения и примкнув в постпозиции к существительному, не было вытеснено посессивом (*мой, твой* и т. п.). В русском языке более естественно сказать *Ноги у нее стройные*, чем *Ее ноги стройные*. Этот штрих (сохранение детерминации имени по локальному образцу) очень существен: благодаря ему не происходит окончательного разрыва предложения с экзистенциальной моделью. Замена локальной детерминации на посессивную «вывела бы на

чистую воду» факт конкретной референции имени и потребовала бы ясно выраженной предикатной структуры. Ср. *Ее нос прямой*.

Следует заметить, что локальный тип детерминации, характерный для экзистенциальных предложений, получил в русском языке достаточно широкое распространение и за пределами рассматриваемого синтаксического поля. Он особенно употребителен в высказываниях, субъектом которых являются названия «неотчуждаемой собственности». Ср. *Ноги у нее шли сами собой; Руки у него тянулись к чужому добру; Локти у него работали быстро и энергично; Голова у него склонилась на грудь*. Ср. также локальную детерминацию имени и в других семантических разрядах высказываний: *В квартире у них работали маляры; Портфель у него всегда набит книгами; Лекции у него проходят живо и интересно; Когда у него лекция? Где у тебя документы?* и пр. Однако во многих случаях локальная детерминация недопустима. К ней, например, запрещено прибегать в высказываниях, обозначающих или предполагающих сознательное, целенаправленное действие. Ср. следующие два предложения: *Он протянул (свою) руку за яблоком и Рука у него потянулась за яблоком*.

Вопрос о разграничении в русском языке зон локальной, посессивной и нулевой детерминации имен предметов, относящихся к микромиру человека, заслуживает специального исследования.

Возвращаясь к экзистенциальным высказываниям, мы должны подчеркнуть, что грамматическая перестройка предложений, в которых имя бытующего предмета получает конкретную референцию, влечет за собою изменение функции глагола *быть*: из показателя наличия (экзистенциальное значение) он преобразуется в показатель грамматических категорий сказуемого (связочное значение)¹². Ср. *У них есть дом. Дом у них большой и светлый*. Из приведенной последовательности с очевидностью явствует, что первое предложение бытийно, а второе выражает предикатные отношения: в нем сообщается о признаках конкретного объекта, уже «введенного в бытие» первым высказыванием. Этим определяется невозможность ис-

¹² О принципиальных различиях между этими функциями см.: Э. Бенвенист. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке. — В кн.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.

пользования в нем *нет*-отрицания, коррелирующего только с экзистенциальным (но не связочным) значением глагола *быть* (в нулевой или эксплицитной репрезентации), а также неупотребительность в настоящем времени бытийного глагола (связка *есть* встречается почти исключительно в предложениях-дефинициях).

Если актуализуется количественный атрибут «бытующего предмета», то тенденция к преобразованию экзистенциальных отношений в предикатные не обнаруживает себя столь явственно. Это объясняется тем, что количественный предикат, в особенности указание на число счетных предметов, логически исключал бы конкретную референцию характеризуемого имени: мы не можем считать референт имени вычлененным из предметного мира и четко детерминированным, если не относим к пресуппозициям сообщения сведения о численности предметов. Это общее положение заставляет многие языки избегать схемы «подлежащее — сказуемое» в сообщениях о количестве, т. е. исключать числовые значения из семантической сферы предикатов. Существуют, однако, ситуации, вызывающие к жизни предложения, коммуникативным ядром которых является указание на число предметов. Так, например, совокупность предметов может быть вычленена по некоторому признаку, не эксплицирующему их численность, а сообщение о количестве — делаться после экзистенциального введения. Ср. следующие альтернативные возможности построения текста: 1) *В комнате было пять стульев*; 2) *В комнате были стулья; Стульев (которые находились в комнате) было пять*. Ср. также обиходные вопросы типа *Сколько вас здесь? Сколько их было? Сколько в отряде было бойцов?*

Специальные сообщения о количестве встречаются, таким образом, с затруднениями логического порядка, которые неодинаково разрешаются разными языками. В некоторых языках количественная характеристика не относится к числу условий (пресуппозиций), необходимых для конкретной референции имени (его определенности), и в область предикации допускаются количественные значения. Ср. англ. *We are five*, исп. *somos muchos*. Здесь нет места подробно останавливаться на этой языковой ситуации. Укажем лишь, что ограничительный барьер на количественную предикацию обычно не преодолевается полностью.

Если язык опирается на принцип количественной (численной) заданности предметов, обозначаемых референтным именем, т. е. исключает соответствующие значения из области предикации, то для сообщений о количестве и в особенности о численности предметов приходится прибегать к экзистенциальным предложениям, наводя в них коммуникативный фокус на количественное определение имени. Русский язык в общих чертах принадлежит к этому второму типу. Поэтому в нем квантитативные предложения формально отклоняются от квалифицированных, следующих субъектно-предикатной структуре. Даже при очевидной референтности субъекта «количественного» сообщения последнее не может быть оформлено по модели «подлежащее — сказуемое». Ср. *Меня стало две — та, которая была прежде, и та, которая сейчас* (Федин) и *Я раздвоилась на прежнюю и теперешнюю*.

Внутри экзистенциальных высказываний, приспособленных к передаче сообщений о количестве, происходит передвижение коммуникативного фокуса на количественное определение имени. Вследствие этого имя в родительном падеже, т. е. падеже зависимости от количественных слов, отрывается от показателя количества и получает самостоятельную синтаксическую позицию. Глагол утрачивает согласование с количественным словом, выделенным в позицию ремы. Ср. *Праздного времени у нас было пропасть* (Салтыков-Щедрин). Став синтаксически самостоятельным, родительный падеж, как отмечали многие исследователи, приобретает значение партитивности¹³. Ср. *В комнате было много народа* → *Народа в комнате было много* → *Народа было много*. Регулярное расчленение экзистенциальных предложений по этому типу обеспечивает известную морфологическую независимость друг от друга количественного выражения и имени (ремы и темы сообщений). Ср. *Грибов здесь кот наплакал; Комнат в квартире всего две; Их тут раз два и обчелся*. Такие предложения не могут быть возвращены в экзистенциальное состояние. Ср.* *В квартире было две комнат*.

Однако сообщения о количестве все же сохраняют в русском языке формальные черты экзистенциальных

¹³ Об истории формирования партитивного генитива и его употреблении в славянских языках см.: Ю. М. Костинский. Генитивные субъектные конструкции в современном русском языке. Канд. дисс. М., 1970 (там же см. библиографию по теме).

структур. В них, например, невозможна определенная детерминация имени. Высказывания типа (*В комнате были стулья*). **Этих стульев было пять*; (*У нее есть дети*). **Ее детей восемь* отклоняются от нормы. Предложения типа *Твоих денег здесь пять рублей* имеют иное содержание: пять рублей из этих денег принадлежат тебе.

Итак, если актуализация приименного качественного определения ведет к частичной или полной перестройке синтаксической структуры предложения, то актуализация количественного определения в общем случае не выходит за пределы изменений в его актуальном членении.

Подведем некоторые итоги. Бытийные предложения характеризуются скользящим коммуникативным фокусом, который может падать в них на показатель бытия, на имя бытующего предмета, в редких и специфических случаях на «область бытия», на качественные и количественные определения имени бытующего предмета.

При нормальном, без нажима употреблении в фокус попадают два неотчленимых друг от друга компонента — показатель бытия и имя бытующего предмета, в совокупности составляющих рему высказывания.

На основе неотмеченного коммуникативным акцентом употребления бытийных предложений формируются высказывания интродуктивного характера, обладающие рядом специфических черт. Изменение актуализации бытийных предложений в одних случаях не влияет на синтаксическую структуру предложений, в других случаях оно имеет своим следствием изменение самого синтаксического типа, в частности, преобразование отношений экзистенции в отношения иного рода — качественную и локальную предикацию или идентификацию равных по объему понятий. Следует подчеркнуть, что перестройка синтаксической структуры экзистенциальных предложений обязательна тогда, когда перемещение коммуникативного фокуса сопровождается изменением референции имени, обозначающего бытующий предмет: экзистенциальные предложения, соответствуя сообщениям о макро- или микромире, не допускают конкретной референции имени, которая в общем случае выводит синтаксическую конструкцию за пределы экзистенциального типа.

Ниже мы увидим, что перечисленные выше виды актуализации предложений наличия в большой степени зависят от их семантического содержания.

Бытийные предложения в современном русском языке

В русской грамматической традиции к числу бытийных, или экзистенциальных, принято относить главным образом номинативные предложения со значением «состояния среды» (тип *Вечер*; *Тишина*; *Дождь*)¹⁴. Синтаксический анализ этой категории предложений, основывавшийся на идеях А. А. Шахматова, квалифицировал формы настоящего времени (*Зима*; *Мороз*) как полные односоставные предложения, а формы, образованные с глаголом *быть* (*Была зима*; *Будет мороз*), как двусоставные¹⁵. Критикуя эту концепцию, В. В. Виноградов писал: «Предложение *Была зима* для современного сознания также одночленно как *Зима*. Это — простое название явления, относимого к прошлому, простая констатация явления в прошлом»¹⁶. Опираясь на приведенное замечание В. В. Виноградова, И. А. Попова определяет предложения типа *Была зима* как номинативные и одночленные, т. е. нерасчлененные, но все же двусоставные предложения¹⁷. Понятие парадигмы предложения, введенное в описательную грамматику Н. Ю. Шведовой, позволило объединить разные формы одного предложения в общую систему¹⁸.

Унификация синтаксического анализа разных форм единого типа предложений не была, однако, достигнута полностью. Так, в академической грамматике 1970 г. предложения типа *Есть деньги* отнесены к категории двусоставных, а их отрицательные корреляты (*Нет денег*) рассматриваются в разряде односоставных высказыва-

¹⁴ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 344—345.

¹⁵ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 1941, стр. 51—52.

¹⁶ В. В. Виноградов. «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 114.

¹⁷ И. А. Попова. О «двусоставности» номинативных предложений, «Исследования по современному русскому языку», М., 1970, стр. 178.

¹⁸ Н. Ю. Шведова. Парадигматика простого предложения в современном русском языке, «Русский язык. Грамматические исследования», М., 1967.

ний¹⁹. Если считать отрицание, стоящее при предикате, грамматической категорией предложения, характеризующей его формы, но не влияющей на его тип, такой взгляд нельзя признать справедливым.

Вторая серьезная проблема, связанная с анализом бытийных предложений приведенного образца, касается их отношения к высказываниям, включающим локальный элемент (тип *В тайге зима; В доме тишина*). В большинстве случаев в таких структурах видят распространение предложения второстепенными членами. Н. Ю. Шведова, обратившая внимание на ту огромную и совершенно особую роль, какую играют в русском синтаксисе свободно присоединяемые к ядру предложения детерминанты, рассматривает локальный элемент как обстоятельство, относящееся ко всему предложению в целом²⁰. В соответствии с этой точкой зрения первичной и основной является форма *Зима*, конструкции же с локальными элементами представляют собой результат ее распространения. С. Н. Цейтлин, напротив, считает номинативные предложения бытийного образца (*Тишина; Тоска; Скука*) редукцией двусоставных предложений: *В лесу тишина* → *Тишина*; *У меня тоска* → *Тоска*²¹.

Решение вопроса об исходной форме бытийных предложений, по-видимому, зависит от того, насколько центральной, т. е. необходимой для семантической и структурной полноценности высказывания, является позиция локализатора. Между тем эта последняя обладает разным статусом в разных по своему лексическому наполнению типах бытийных предложений.

В классической (первичной) семантической структуре бытийных предложений, как уже говорилось, существительное имеет предметное значение. В таких предложениях область пребывания предмета достаточно настоятельно требует конкретизации. Ср. *В саду были яблони и груши; В вазе фрукты; В правой руке у него трость*. Когда позицию имени занимает событийное существительное,

¹⁹ «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 567.

²⁰ Н. Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. — ВЯ, 1964, № 6.

²¹ С. Н. Цейтлин. Субстантивные предложения в современном русском языке и их темпоральные характеристики. Автореф. канд. дисс. Л., 1972.

указывающее на действие, процесс, происшествие и т. п., то позиция обстоятельства места становится более факультативной, как и в любом глагольном предложении действия, а глагол *быть* меняет свою функцию: из показателя существования предмета он превращается в показатель модально-темпоральных категорий действия или состояния.

В предложениях *В саду были яблони (люди)* и *В саду была тишина (суета)* функции глагола *быть* различны: в первом случае *быть* имеет собственно экзистенциальное значение, указывая на существование предмета, во втором случае *быть* имеет значение осуществленности события, обычно выражаемое в языке при помощи категорий времени и модальности. В этой своей второй функции *быть* редко попадает в коммуникативный фокус. Поэтому в высказываниях о реализации события глагол *есть* присутствует гораздо реже, чем в высказываниях о существовании предметов.

↑ Поскольку предметные понятия соотносительны с пространством, а событийные — с временем, предметно-бытийные предложения теснее связаны с обстоятельством места, нежели высказывания о событиях, семантически сближающиеся с глагольным типом (ср. *Скука* = я скукаю; *Тоска* = я тоскую, *Суета* = суетсяя). Такого рода предложения можно было бы вывести из поля бытийности и считать номинативными эквивалентами глагольных предложений, если бы не следующие особенности их формальной структуры, сближающие их с экзистенциальными предложениями и отличающие от номинативных. Эти предложения, как и все предложения экзистенциального значения, допускают введение предиката наличия (*Есть дождь*; *Бывают бури*; *Бывает тоска*), а их отрицательная форма создается при помощи экзистенциального предиката *нет* (или *не бывает*), но не может быть образована прямым присоединением отрицания *не* (*Нет дождя*; *Нет тоски*; *Не бывает бурь*).

Номинативные предложения в собственном смысле не могут иметь отрицания *нет* (ср. *Не дождь, а град*; *Никакой это не стол*; *Совсем не идиот*). Предложения *Здесь есть фонарь* / *Здесь нет фонаря* и *Фонарь* / *Не фонарь* (*Это фонарь* / *Это не фонарь*) принадлежат к принципиально разным категориям. Событийные предложения *Здесь есть дождь* / *Здесь нет дождя* идентифицируются с первым из названных типов.

Относя предложения типа *Буря; Тоска; Скука; Революция; Война* и пр. к экзистенциальному полю, мы тем самым распространяем и на них формулу трехчленной структуры, включающей локализатор, который позволяет адресату речи отождествить тему сообщения, т. е. ту сферу реальности, к которой отнесено высказывание. Вместе с тем, как уже отмечалось, степень обязательности локального компонента в составе бытийных предложений непосредственно зависит от семантики имени и характера «области бытия»: она выше в предметно-бытийных предложениях и гораздо ниже в предложениях событийно-экзистенциальных.

В целом следует констатировать, что русские бытийные предложения обычно не рассматриваются в грамматиках как единый класс. Они частично попадают в раздел об односоставных предложениях, частично анализируются в числе предложений двусоставных (соответственно предложений с одним или двумя главными членами). Некоторые виды бытийных высказываний включаются в разряд неполных или эллиптических предложений. Такая разбросанность бытийных предложений по разным синтаксическим классам, подклассам и рубрикам, варьирующаяся в зависимости от принятой в данной грамматике общей синтаксической системы, мешает, как кажется, увидеть ту исключительную роль, которую играет в русском синтаксисе экзистенциальный тип предложения и его необычайное семантическое многообразие.

* * *

Итак, применительно к интересующему нас полю бытийных предложений русского языка принято рассматривать проблемы полноты и эллиптичности предложения ²², функций синтаксического нуля ²³, двусоставности / односоставности, коммуникативной расчлененности / не-

²² И. А. Попова. Неполные предложения в современном русском языке. «Труды Ин-та языкознания», II. М., 1958, II. А. Лежант. Продуктивные типы безглагольных односоставных и двусоставных предложений в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1961.— В академической грамматике 1954 г. безглагольные предложения бытийного типа рассматриваются как разновидность неполных предложений («Грамматика русского языка», т. II, ч. 2. М., 1954, стр. 98 и след.).

²³ I. A. Evreinov. Указ. соч.

расчлененности²⁴, вопрос о распространении структурной схемы предложения детерминантами, отношение к номинативным предложениям, употребление в настоящем времени глагола *есть*²⁵ и некоторые другие более частные проблемы. Меньше внимания уделяется вопросу о референтности имени, входящего в бытийные предложения, их текстовым функциям, их логическому содержанию, взаимодействию экзистенциального отношения с другими типами логико-синтаксических отношений — локальной и качественной предикацией и идентификацией. Ниже при рассмотрении русских бытийных предложений на первый план будет выдвинут именно этот круг вопросов

* * *

В русском языке составляющие бытийных предложений, относящиеся к области бытия и бытующему предмету, допускают, как уже отмечалось, семантическое варьирование в очень широком диапазоне. Область бытия может изменять свой объем в пределах от мира, вселенной, взятой в отвлечении от ее пространственных и временных границ, до микромира человека, или даже его части, рассматриваемой в определенный момент бытия. Она может иметь материальный (пространственный) и идеальный характер. Она, наконец, может восприниматься как некоторая система отношений или как совокупность (множество, класс) объектов. Понятие бытующего предмета может изменяться в диапазоне от конкретного предмета до разных видов абстрактных понятий. Пересечение типов «области бытования» и типа «бытующего предмета» дает основные разряды бытийных предложений, многие из которых уходят из поля бытийности, смыкаясь с другими логико-синтаксическими разновидностями высказываний.

Предельной степенью сужения «сферы бытия» можно считать сведение ее к микромиру человека. Микромир человека допускает двоякое истолкование. Он может быть понят как непосредственное внешнее окружение человека, создаваемое всем тем, что находится к нему в том или другом отношении. Он может быть «очеловечен», т. е. понят

²⁴ В. В. Бабайцева. Односоставные предложения в современном русском языке М., 1968, стр. 114 и сл.

²⁵ О. Н. Селиверстова. Семантический анализ ..

как конституирующий человеческую личность физический и духовный комплекс, как совокупность, составленная из набора физических и психических компонентов.

Некоторые из рассматриваемых ниже семантических типов предложений могут быть отнесены не только к человеку, но и ко всем прочим живым существам (ср. *У кошки четыре ноги; У этой собаки нет хозяина; У этой породы собак очень острый нюх*), а также к неодушевленным предметам (ср. *У этой книги золотой обрез; У опят тонкая ножка*). Различия в семантических возможностях бытийных предложений всецело отвечают различиям в структуре микромира человека, животного и неодушевленного предмета. Специально касаться этого вопроса в дальнейшем изложении мы не будем.

Область бытия — внешний микромир человека

1. Высказывания о владении, обладании предметом или о том, что предмет находится в распоряжении некоторого лица.

К предложениям этого типа относятся: *У них есть дача; У нас нет машины; У него в банке тысяч сто и есть родовое имение, которое он отдает в аренду* (Чехов); *Иногда нам кажется, что у человека золотые горы, а поглядеть, да посмотреть, так у него на маслице, да на свечку, — и то не его, а богово* (Салтыков-Щедрин); *Как же ты хочешь, чтобы он разговаривал, коли у него миллион* (А. Островский); *Хозяйство у них, земля, скот* (Горький); *Живет здесь у нас помещик один; У него шахты, знаете ли* (Чехов); *Сколько богатства-то и доходу у Пошон Пошоньча* (А. Островский); *Ведь у меня опять всего только рубль серебром* (Достоевский); *У меня, ваше превосходительство, есть чрезвычайная коляска настоящей венской работы* (Гоголь) и др.

«Область бытия» (или, по терминологии Н. Ю. Шведовой, субъектный детерминант²⁶) указывает в предложениях этого типа на владельца, обладателя предмета. Ср. *У него есть дом = он имеет свой дом; У нее есть бриллианты = Она имеет бриллианты*. Структура этих

²⁶ Н. Ю. Шведова. К спорам о детерминантах. — НДВШ, Филол. науки, 1973, № 5, стр. 70.

предложений поэтому допускает включение обстоятельств места. Ср. *Вот у меня на дворе куры* (Салтыков-Щедрин); *У них много хлеба в амбарах*; *У нее в Одессе в банке семьдесят тысяч — это я знаю наверное* (Чехов); *Домишко у него за Окой* (Федин).

Посессивные предложения имеют следующие коммуникативные разновидности.

1) Сообщаемое заключено в предикате наличия. Ср. *У вас есть дача? У нас нет дачи.* — Ну, говорит Яков Петрович, — *возьми эту шапку себе.* — А вы то как же? — спрашивает Ковалев. — *У меня есть* (Бунин); Он сказал, что *у него нет паспорта* (Чехов); *Кровать у вас своя есть?* (Куприн). Ср. также свойственную детям манеру выхваляться друг перед другом: *А у меня что-то есть или А у меня что есть, что есть!*

Если предмет не конкретизован, возможен только такой тип актуализации.

2) В коммуникативный фокус попадает класс предмета. Ср. *Что у тебя есть? У меня есть дом и при нем огород.* *Что у него за душой? У него есть имение.* При такой актуализации глагол *есть* регулярно употребляется только в вопросах об имущественном положении, владении. Вопрос *Что у него?* едва ли будет истолкован в посессивном смысле.

3) «Область бытия» (в данном случае она указывает на владельца) может быть актуализована, только если имя предмета лишено конкретной референции. Ср. *У кого есть деньги? У меня есть; У кого есть своя машина? Своя машина есть у Сергеева.* Глагол *есть* при данной актуализации также сохраняется. Если сообщение касается владельца конкретного предмета, то используются собственно посессивные модели. Ср. *Чья эта дача? Эта дача Юдиной* (ее, их и пр.), а не *Эта дача у Юдиной* (*У нее, у них* и пр.); *Кому принадлежит этот дом? Этот дом принадлежит Перцову.*

4) Поскольку «героем повествования» редко бывают предметы, посессивные предложения не употребительны в интродуктивной форме. В случае необходимости она, впрочем, может быть создана. Ср. *Был у Орлова один замечательный бриллиант; Есть у него одно чудодейственное снадобье.*

5) При актуализации качественного определения обнаруживается тенденция к преобразованию экзистенциаль-

ной структуры в предикатную. Ср. *Какой у нее дом? Дом у нее большой, двухэтажный, кирпичный; Дом у нее был просторным, светлым.*

Предложение *У нее есть интересные книги* (ср. *у нее нет интересных книг*) сохраняет экзистенциальную структуру. Предложение *У нее интересные книги* (ср. *у нее не-интересные книги; книги у нее не были интересными*) лежит на границе между экзистенциальным и предикатным высказыванием.

6) При актуализации количественного определения предложение сохраняет основные черты экзистенциальной структуры. Ср. *Сколько у него книг? У него много книг; Книг у него больше тысячи; Книг у него сотня будет; Книг у него два шкафа; Книг у него было много; Много у него добра всякого.*

В посессивных предложениях «область бытия» (т. е. субъект обладания) в принципе всегда эксплицитно присутствует в высказывании, суть которого как раз и состоит в указании на собственность некоторого лица. Устранение субъекта (с соответствующим изменением смысла) возможно только в предложениях, актуализующих определение имени (типы 5, 6). В этом случае значение принадлежности уступает место качественной характеристике.

2. Высказывания о пространственном (по смежности) вхождении предмета в микромир человека.

В этом разряде локальное обстоятельство оформляется разными пространственными предлогами: *у меня, со мной, при мне, на ней*. Оно может иметь также уточняющие распространители: *у него в руке, на голове у него, на его голове* и пр., например: *Посмотрите, какое на мне платье* (Салтыков-Щедрин); *Странно, что в жаркий день на женщине такой плотный, наверно, зимний платок* (Федин); *Кучер маленький, а кафтан на нем с большого* (А. Островский); *Смотрю: у Радды в руке пистоль, и она в лоб Зобару целит* (Горький); *Вчера Сережка выпил немножко, а сегодня в кармане у Сережки — как в бездонном лукошке* (Горький); *Голова закутана женской шалью, на левой руке лукошко, в правой высокая палка, на худых ногах растоптанные лапти* (Бунин); *В руках у нее были темные еловые ветви* (Паустовский); *На голове у него всегда была самодельная заячья шапка шерстью внутрь* (Бунин); [...] *и рука взялась за карман: есть ли при нем синяя ассигнация* (Гоголь); *Завидная невеста, если при ней угол* (Федин).

Предложения этого разряда допускают следующие коммуникативные формы.¹

1) Актуализован предикат бытия. Ср. *У тебя есть что-нибудь в кармане? У нее что-то есть в руке; У тебя есть с собой деньги?* Такого рода актуализация встречается редко.

2) Актуализовано имя бытующего предмета. Ср. *Что на ней было одето? На ней было очень простенькое домашнее платьице, на голове старая прежнего фасона шляпка (Достоевский).* Это наиболее частый вид использования предложений данной группы, которая в целом тяготеет к дескриптивному типу, поскольку портретирование человека обычно включает описание его одежды. Описательные предложения избегают отрицательной формы. Последняя стремится получить в них позитивный смысл. Ср. *На ней было не новое платье; На нем был не модный костюм; На нем не было ничего яркого.*

3) Актуализовано качественное определение имени. Ср. *Какое на ней было платье? Платье на ней было белое, как лебедь (Гоголь); Он очень хорошо помнил, что шляпа на нем была с плюмажем и мундир с золотым шитьем (Гоголь); Фрачишка на нем гадкий, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую он дачу нанимает (Гоголь); Для довершения сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета (Гоголь).*

Актуализация этого типа имеет дескриптивный характер и не может быть четко противопоставлена актуализации имени бытующего предмета. Ср. функциональную близость вопросов: *Что на ней было?* и *Какой на ней был костюм? Какая на ней была одежда?*

4) Актуализовано количественное определение имени. Ср. *Колец на ней было штук десять.* Такая актуализация встречается редко.

5) Интродуктивный вариант у предложений этой группы практически отсутствует.

6) Актуализован локализатор. Ср. *Сапоги были на моем друге, а брезентовые туфли на мне; На ком из вас был красный жакет? У кого в руках была газета?* Такого рода актуализация не характерна для данного разряда предложений, как и вообще для всего бытийного типа. За этим типом предложений часто скрываются отношения идентификации. Ср. *На ком из вас был красный жакет? = Кто из вас тождественен лицу, одетому в красный жакет?*

3. Высказывания о «личном составе» микромира человека.

Микромир в этих высказываниях создается отношениями к некоторому лицу — центральному компоненту системы. Принадлежность к микромиру определяется реализацией одной из потенциально возможных связей, которая раскрывается в номинации лица. Ср. *У Коли есть брат; У меня две сестры; У него мать в Калуге*. Предложения типа *У тебя же есть Клава* могут быть употреблены только, если собеседникам известна роль *Клавы* в данном микромире, т. е. если за именем стоит дескрипция. Такого рода предложения означают приблизительно следующее: 'Ты не одинок. У тебя есть опора в лице твоей жены (сестры, дочери, домработницы и пр.) Клавы'.

Требование реляционной номинации для сообщений о микромире человека настолько сильно, что даже отрицательные и неопределенные местоимения, попадая в них, получают известную лексическую значимость в рамках системы заданных отношений. Так, предложение *У нее никого нет* обычно (если речь не идет об отсутствии в ее доме гостей) будет понято как 'У нее нет близких родственников' или 'У нее нет своей семьи' (ср. *У нее нет никого из близких*). Если такое сообщение касается молодой девушки или женщины, оно может означать 'У нее нет поклонников (жениха, возлюбленного)'. Вопрос *У нее кто-нибудь есть?* обычно имеет в виду претендента на руку или возлюбленного.

Если в сообщениях о микромире лица входят номинации иных типов, они также получают родственно-семейное или функциональное истолкование. Ср. *У меня их двое, подлецов* (Чехов), где под *подлецами* разумеются дети, сыновья. *У кума моего девчонка* (Федин) — под *девчонкой* имеется в виду дочка.

Имя лица в предложениях этого типа никогда не получает конкретной референции. Нельзя сказать **У меня есть этот брат*. **У нее есть тот муж, которого ты только что видел*. Имя лица может утрачивать логический акцент, но не может стать субъектом суждения. Невозможно строить предложение по типу **Тот сын у нее* (следует *Тот мальчик ее сын*).

Предложения о составе микромира человека не терпят перестройки экзистенциальных отношений в предикатные по типу *На столе книги и журналы* →

→ *Книги и журналы на столе; У меня есть книги* → *Твои книги у меня*. Это естественно объясняется тем, что локализатор (*у Маши, у меня*) в данной модели указывает не на местонахождение предмета, а на центр некоторой системы отношений. Форма *у меня* противостоит в этом смысле локализатору *со мной*. Последний указывает либо на отношения «по смежности», либо на включенность в одну совокупность, в одно «множество». Сравним следующие два предложения: *Когда она сказала, что с ней раненый, и выговорила слово 'Брест', все четверо ахнули* (Федин) и *У меня раненый, и нечем перевязать, — сказала она виновато* (Федин). В первом случае может идти речь о случайных отношениях «по смежности», во втором — о том, что раненый находится на попечении говорящего и «функционально» с ним связан. Локализатор (*со мной, с ним*) может занимать позицию сказуемого, а имя лица, выполняющего при нем роль подлежащего, иметь конкретную референцию. Ср. *Этот мальчик со мной*. Лицо в этом случае совсем не требует реляционной номинации. В приведенном примере сочетание *со мной* указывает на совместность, отнесенность к одной совокупности. Оно ничего не говорит, однако, о функции мальчика в микромире говорящего.

Форма *у меня* не всегда обозначает центр микромира человека. Она имеет локальное значение в предложениях типа *У меня гости; Нынче у меня два очень интересных человека* (Л. Толстой). Как и другие локальные предложения, подобные сообщения допускают включение имен с конкретной референцией. Ср. *У меня Петя и Валя* = те лица, которые находятся сейчас в моем доме, есть Петя и Валя; или *У тебя кто-то есть? Да, у меня Петя и Валя* = да, у меня есть гости. Эти гости Петя и Валя.

Как и прочие локальные предложения, приведенные высказывания допускают коммуникативную инверсию, при которой локализатор становится сказуемым: *Где Петя и Валя? Петя и Валя у меня*. В то же время невозможно **Сестра у меня; *Дети у нее* (в смысле *У меня есть сестра; У нее есть дети*). Предложение *Деньги у меня* имеет локальное, а не посессивное значение.

Наконец, формы *у нас, у них, у вас* в предложениях, в которых «бытующим предметом» служит лицо, могут указывать на некоторую совокупность, включающую (или

не включающую) говорящего. Ср. *А где у нас Суворовы теперь?* (Л. Толстой). Это предложение должно прочитываться так: 'Среди нас сейчас нет гениальных полководцев'. Предложения подобного типа выражают экзистенциальные отношения, если входящее в них имя нереферентно. Они не допускают коммуникативной инверсии. Так, невозможно **Гениальные полководцы у нас* (об этом типе предложений см. ниже).

Приведенные выше сопоставления показывают, насколько различны возникающие на почве общего и недифференцированного значения бытийности отношения локального и системного типа. В первом случае имеются в виду обычные пространственные отношения, которые в зависимости от коммуникативной структуры высказывания могут получать интродуктивно-экзистенциальное значение (*В некотором царстве жили-были старик со старухой*), собственно экзистенциальное значение (*В этих местах есть лисы*), значение идентификации (*Кто здесь? Здесь Коля*) и, наконец, значение локальной предикации (*Где Коля? Коля у нас*). Элемент *у меня, у Коли* может занять позицию сказуемого только, если он имеет локальное значение.

Отношения, базирующиеся на понятии некоторой системы, подобных преобразований не терпят. Бытийные высказывания, на каком бы из их трех основных компонентов не находился коммуникативный акцент, сообщают о вхождении объекта в данную систему связей. Последняя, применительно к предметам, основана на отношении посессивности, а применительно к людям — на родственно-семейных, социальных, функциональных или иных отношениях.

Предложения о вхождении некоторых лиц в микромир человека могут иметь следующие коммуникативные варианты.

1) Сообщается о наличии / отсутствии лица, наделенного данной функцией. Ср. *У нее есть родители? Да, у нее отец в Калуге; У тебя отец-то есть?* (Куприн).

2) Сообщение касается функциональной категории лиц. Ср. *Но ведь у меня дети, ваше превосходительство... Жена... Мать... При нынешней дороговизне* (Чехов); *Мне хотели представить его. Я решительно отказался: у меня дочери* (Л. Толстой); *Матвеей услышал признание, что у нее жених в Ярцеве и скоро быть свадьбе* (Федин).

3) Сообщение касается свойств лица, входящего в микромир человека. Ср. *Ему было жалко Растрепу, что у нее непутевый муж* (В. Смирнов); *Дети у него уже совсем взрослые; Сын у нее больно озорной*. Отношения экзистенции при данной актуализации стремятся к преобразованию в качественную предикацию: имя лица становится субъектом суждения, детерминируемым локализатором *у меня, у тебя*, а прилагательное, его определяющее, приобретает функцию предиката, выявляющуюся в возможности его постановки в творительном падеже. Ср. *Мамаша у него престарелая* = его мамаша престарелая; *Муж у нее был непутевым* = ее муж был непутевым.

4) Сообщение касается количества лиц. Ср. *У него их [детей] двадцать незаконных, я думаю* (Л. Толстой); *Наоборот, у них детей было чрезвычайно много* (Куприн); *Теперь выдвинули в наркомздравы. Одних докторов у него семь с половиной тысяч* (Леонов).

5) Сообщается, у кого именно имеются те или другие родственные или функциональные отношения. Такая актуализация встречается редко. Ср. *У кого хорошая портниха есть? У кого-нибудь есть в этом городе знакомые? Друзья на лодочной станции у него. Я там никого не знаю*.

6) Сообщение имеет интродуктивный характер, т. е. предваряет основное сообщение, вводя в универсум речи персонажей будущего повествования. Ср. *Так вот, есть у меня приятель... словом сказать Парамонов купец. И есть у него... [....] — Так вот я и говорю: есть у г-на Парамонова штучка одна... образованная: в пансионе училась [....]. Не желаете ли вы вступить с этой особой в фиктивный брак?* (Салтыков-Щедрин); *Так, видишь ли: есть у меня приятель, а у него особа одна... вроде как подруга... — Душенька, то есть? — Ну, как там по-твоему... И есть у него желание, чтобы эта особа в законе была* (Салтыков-Щедрин); *У нас в роте был один тощий солдат. Ему чертовски везло* (Паустовский).

Интродуктивные предложения несколько отличны от прочих высказываний этого разряда. В них обычно фигурируют обозначения лиц, фиксирующие более отдаленные отношения их к рассказчику. Часто функция этих лиц в микромире рассказчика условна. Ср. *Есть у меня один знакомый (приятель, друг, коллега, сотрудник, студент, преподаватель, земляк, однополчанин); Был у меня однажды один попутчик (сосед, денщик, начальник, спутник, со-*

ученик, помощник и т. п.). Само по себе такое сообщение редко обладает самоценным значением. Вопрос *У тебя были однополчане?* едва ли задают даже военному, служившему в полку. Предложение *У меня есть (был) спутник (однополчанин)* вполне определенно требует продолжения. Напротив, сообщения о лицах, представляющих собой потенциально обязательный компонент микромира человека, в экзистенциальной интродукции не нуждаются. Ср. *(Была у меня мать). Бывало мать мне сурово выговаривала за такие поступки.* Сообщения о существовании лиц, входящих в потенциально обязательную систему микромира, обычно имеют собственную информативную ценность. Ср. *У него ведь есть жена; У нее муж и двое детей.*

4. Высказывания о наличии внешних обстоятельств жизни человека или внешней (социально-значимой) ситуации: *У него совещание (Федин); У тебя концерт (Леонов); Завтра у вас экзамен в театральном училище (Леонов); Господа за Волгу собирались, вроде как пикник у них (А. Островский); Лариса: Пойдемте домой, пора! Карандышев: Да и мне нужно: у меня ведь обед (А. Островский); Сначала не собрался просто, а потом были хлопоты и неурядицы (Блок, Письмо к Н. Малько).*

Предложения такого рода очень близко соприкасаются с личностной моделью. Ср. *У меня много работы* = я сейчас много работаю; *У меня затруднения с решением этой задачи* = я затрудняюсь решить эту задачу; *У меня сегодня бег на стометровку* = я буду сегодня бежать стометровку; *У тебя тут ошибка* = ты тут сделал ошибку.

Обычно предложения этого разряда имплицитно предполагают, что лицо, определяющее микромир (сферу бытия), принимает то или другое участие в событии. Ср. *У меня сегодня экзамен* (либо я принимаю, либо сдаю экзамен); *У нее вчера была примерка* (это предложение одинаково уместно и о портнихе и о заказчице); *У меня завтра лекция* — скажет и слушатель и лектор; *У меня сейчас съемки (спектакль, просмотр, репетиция, соревнование, конкурс и пр.)* может относиться к любому участнику съемок (спектакля, просмотра и т. п.). *Завтра у меня званый обед* может быть сказано и хозяином и приглашенным.

Некоторые предложения, впрочем, более употребительны в устах лишь определенного участника события. Так, *У меня сегодня было две химии и одна шестимесячная* — стандартная фраза дамского парикмахера.

Исключения составляют предложения, в которых форма *у меня* имеет локальное значение, относясь к квартире, жилью. Предложения *У меня сегодня стирка (уборка, настирка полов, ремонт и пр.)* не имплицитуют, что говорящий лично участвует в названных мероприятиях.

При двухагентных событиях симметричного типа предложение может быть построено по одной из следующих моделей: 1) *У него с Любой роман*; 2) *У них с Любой роман*; 3) *У него и Любы (у них) роман*; 4) *У него роман с Любой*; 5) *Между ними роман*.

Ср. *Что теперь у вас с Агнией Львовной?* (Федин); *Что у тебя с твоей артисткой-то?* (Федин); *С хозяйкой у ней наибеспрерывнейшие раздоры* (Достоевский); *Мне все кажется, что у нас не дуэль, а убийство* (Пушкин); *Скажи, пожалуйста, Антон, какое дело у отца моего с Троекуровым?* (Пушкин); *Конечно, тут у вас общий коммерческий оборот* (Достоевский).

К этой же категории могут быть отнесены предложения, в которых сообщается о социально значимой (и в этом смысле внешней) характеристике лица, его возможностях, положении в обществе и т. п.

Ср. *У него связи; У меня там есть знакомства; У него хорошее положение в обществе; У него (перед ним) большое будущее; Сейчас у нее есть выбор; У нее есть свои минусы (плюсы, преимущества, достоинства, недостатки и пр.); У той — Америка и кольцо с надписью, думал я, а у этого — докторская степень и ученая карьера и только я и сестра остались при старом* (Чехов); *Значит, у вас теперь три Анны,* — сказал он, осматривая свои белые руки с розовыми ногтями, — *одна в петлице, две на шее* (Чехов); *По ее убеждению получалось, что Скудин поможет во всем — у него связи, несравненное влияние* (Федин); *У него, братец мой, позиция, а не оппозиция* (Федин); *У всякого человека есть своя функция* (Чехов); *А у меня нет даже и этой связи с родиной* (Бунин); *У Чехова была вторая профессия* (Паустовский).

Возможно, вариантом этого значения следует считать и отношения авторства.

Ср. *У Блока есть ранние малоизвестные стихи: «Ночь теплая одела острова»* (Паустовский); *У Гейнзе, интересного и полузабытого писателя, есть такая басня: «Домашний восковой идол стоял около огня, где обжигались глиняные вазы, и начал таять»* (Казакевич).

Предложения, включающие событийные имена, могут иметь следующие коммуникативные формы.

1) Актуализован предикат наличия. Ср. *У тебя есть время? Нет, времени сейчас у меня совсем нет; У тебя есть дела в городе? Да, у меня есть кое-какие дела в городе.*

2) Актуализован класс событий. В этом случае предложение соотносимо с вопросами типа: *Что там у тебя? Ну, а что у тебя? Что у вас сегодня вечером? Что ты собираешься делать? Ты занят сегодня? Какие у тебя планы на завтра? Что ты делаешь? Что ты делал вчера?* и др. Отвечая на подобные вопросы, говорящий обычно указывает на имеющие место, бывшие или предстоящие ситуации, в которых он участвовал, участвует или собирается участвовать. Ср. *Что у тебя завтра? Завтра у меня защита проекта; Что ты собираешься делать в воскресенье? В воскресенье у нас турпоход.*

3) Актуализовано качественное определение имени. Ср. *Работа у него сейчас очень ответственная и напряженная.* Как и в прочих разрядах бытийных предложений, такая актуализация обнаруживает тенденцию к преобразованию экзистенциальных отношений в качественную предикацию. Ср. *Операция у него была длительной.*

4) Актуализовано количественное определение имени. Такая актуализация возможна только применительно к счетным и «массовидным» событиям. Ср. *Сколько у тебя завтра лекций? У меня завтра две лекции; А так как праздного времени у нас было пропасть, то мы решили посвятить его благопристойно-философским размышлениям (Салтыков-Щедрин).*

5) Актуализация «области бытования», т. е. имени лица, характеризуемого по его участию в некоторой ситуации, происходит редко. Ср. *Это не у него неприятности, а у меня; У кого завтра лекции? Завтра лекции у всех; У кого сейчас нет дела (работы, занятий)? У меня сейчас нет никакого задания; Ноне козыри у нас, — многозначительно сказал он (В. Смирнов); Значит, все тебе нипочем, вся силица на свете у тебя (В. Смирнов).*

6) Предложения с событийным именем могут иметь интродуктивный характер, т. е. предварять основное сообщение. Ср. *Есть у меня к тебе одно дельце; У меня к тебе разговор один есть; У меня есть одно важное поручение (задание, соображение, наблюдение и пр.); У меня к тебе предложение; У меня к тебе есть один вопрос; У меня к тебе*

*есть вопрос; У меня к тебе вопрос; У меня вопрос; Поды-
мемся к вам, дорогая, у нас единственный капитальный
вопрос, всего на пять минут, ни секундой больше (Федин);
У меня к вам есть просьба,— продолжал племянник, по-
жимая дядюшкину руку (Чехов).*

В таких высказываниях существительное имеет обоб-
щающее значение (ср. *новость, дело, дельце*). Часто оно
относится к целенаправленному коммуникативному акту
(*разговор, вопрос, просьба, сообщение, предложение* и пр.)
или обозначает событие по его положительной или отри-
цательной роли в жизни лица (*горе, беда, неприятности*
и пр.). Ср. *У нас радость!* (Чехов); *У него горе* (Бунин);
У Алеши большие неприятности (Леонов); *А у нас, брат,
что! Ужас!* (Л. Толстой); *А у нас беда* (А. Островский).

Отсутствие у высказываний такого типа дальнейшего
развития, раскрывающего суть дела, вызовет у собесед-
ника побуждающую реплику типа *Скажи же, в чем дело?
Какая беда? Что случилось? Случилось что-нибудь?* А не-
желание конкретизировать сообщение будет расценено
как несоблюдение правил ведения разговора. Когда гово-
рят *Есть у меня одно тайное желание (намерение, подозре-
ние), Есть у меня одна тайная мысль (мечта, надежда)*,
то сама форма сообщения свидетельствует о том, что гово-
рящий не собирается долее хранить свою тайну. Для то-
го, чтобы предотвратить выпрашивание, т. е. снять ин-
тродуктивный характер высказывания, в предложение
может быть введено неопределенное местоимение *какой-то*,
указывающее на то, что говорящий не в курсе дела, или
местоимение *кое-какой*, дающее понять, что говорящий,
хотя и располагает соответствующей информацией, одна-
ко не намерен ее сообщать или считает ее несуществен-
ной. Ср. *У них были кое-какие неприятности; У него ка-
кое-то несчастье*. Местоимение *кое-какой* избегает сочета-
ний с оценочными существительными. Ср. неловкость
предложений типа *У него недавно было кое-какое горе (кое-
какая радость, беда)*. В разговорной речи это ограничение
на сочетаемость компенсируется местоимением *какой-то*:
высказывания типа *У него было какое-то несчастье* могут
употребляться как в ситуации неосведомленности, так и в
ситуации осведомленности говорящего. С другой стороны,
местоимение *какой-то* неприменимо в сообщениях о самом
себе, поскольку говорящий едва ли может остаться неосве-
домленным о собственных делах.

В целом интродуктивные высказывания событийного типа отличны от «предметных» интродукций. Эти отличия проявляют себя как в их форме, так и в содержании. Событийные интродукции легко обходятся без глагола *есть* и выделительного числительного *один*. Они, в принципе, не составляют необходимого шага к дальнейшему сообщению, поскольку не имеют своей целью введение предмета в фонд общих знаний собеседников. Они носят скорее предваряющий, упреждающий характер и могут быть в некоторых случаях сопоставлены с разного рода знаками (сплетенными кольцами, голубком, траурной рамкой, дедом Морозом и пр.) на конвертах и извещениях.

Этот пример показывает, что замена предметных имен событийными в экзистенциальных предложениях расширяет и видоизменяет их основные коммуникативные функции.

*Область бытия — человек как психическая
и физическая личность*

1. Высказывания о компонентах внутреннего мира человека — его психических константах, характере, наклонностях, поведении, общей структуре личности, взглядах, вкусах, представлениях, преходящем психическом или эмоциональном состоянии, желаниях, намерениях, мыслях, способностях, объектных и безобъектных чувствах: *У нас с вами одинаковые вкусы, мой друг* (Леонов); *У каждого своя ахиллесова пята*, — продолжал князь Андрей (Л. Толстой); *У той все хитрость, да лесть, а эта вдруг, ни с того ни с сего, и скажет, что не надо* (А. Островский); *Но потом Илья Антонович рассудил, что на свой аршин мерить маклака нельзя — у него свои маклачьи соображения* (Федин); *У нас разные взгляды, дядя Митя* (Леонов); *У каждого свои секреты* (Л. Толстой); *Вечные у вас фантазии, дядя Коля* (Симонов); *У меня такое состояние, едва выйду на улицу, кажется, что вот-вот запоят и деревья и синее-синее небо* (Федин); *Есть же такие люди. У них какой-то нюх на чужую беду* (Симонов); *Этот Герман — продолжал Томский, — лицо истинно романтическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля* (Пушкин).

Указание на лицо, испытывающее то или другое чувство, состояние и пр. или характеризующее определенными психическими свойствами, может принимать более локаль-

ные формы: вместо *у меня, у него* и пр. в этих случаях появляются такие локализаторы как *во мне, на мне, со мной*.

Ср. *И то же в вас очарованье* (Тютчев); *Во мне есть инструмент, хороший рояль, струны натянуты* (Блок); *Не боюсь, грех на мне. Бей, Степан* (Шолохов); *Какая-то веселость в нем* (Есенин); *Эта мысль давно уже с тобой, а ты все не привыкла* (Горький).

Локализация психических свойств и состояний по типу *в ней, в нем* популярна в разговорной речи. Ср. *В нем что-то есть; В нем есть что-то от Байрона; Есть в ней что-то трепетное; Было в нем что-то демоническое*.

«Область бытования» может быть полностью адвербиализована. Ср. *Боюсь, что здесь больше хамства, чем чего-либо другого* (Блок), где автор имеет в виду вполне конкретное лицо. Наконец, можно встретить примеры, в которых локализатор отсутствует либо в силу своей контекстуальной очевидности, либо в силу неопределенности своего значения. Ср. *Была только одна страсть, которой он не таил, — страсть к игре* (Лермонтов); *Впрочем нельзя сказать, что не было к нему никакого внимания* (Гоголь).

Указание на лицо чаще всего опускается, когда имеется в виду субъект суждения, поскольку мысли, идеи, соображения и пр. легче отчуждаются от их автора, чем эмоции от своего носителя. Ср. *Есть тут одна идея; Есть мнение (точка зрения и пр.)*.

Внутренний микромир человека может сужаться. Область бытования при этом уточняется дополнительным детерминантом, указывающим на компонент психической структуры человека (ум, сердце, душу, совесть и пр.), либо на «орган», выявляющий чувство или состояние.

Ср. *Нет у него в сердце признательности, — сказал он, — нет, нет и нет!* (Салтыков-Щедрин); *Другое у ней на уме* (Леонов); *Он уже давно мне говорит: «Что это у тебя, братец, в голове всегда ералаш такой»* (Гоголь); *На сердце у Григория сладостная пустота* (Шолохов); [...] *тебе наплевать на то, что у него такая дичь в голове* (Достоевский); [...] *обе поняли, что у той и у другой одно в сердце и в мыслях* (Достоевский);

У меня очень одиноко на душе, много планов, много тоски, много надежды и много горького осадка от прошлого (А. Блок, Письмо А. Белому от 28-XII-07).

В предложениях с двойной областью бытования форма *у меня, у нее* обычно тяготеет к локализатору, по отноше-

нию к которому она приобретает посессивную функцию: *в глазах у нее* = в ее глазах, *на лице у нее* = на ее лице, *в сердце у него* = в его сердце, *на совести у нее* = на ее совести — на ней.

Преобразование формы *у меня*, *у Анны* в посессив, притяжательное прилагательное или родительный падеж имени стягивает двойной локализатор в одинарный. Ср. *Я думаю, что на его совести по крайней мере три злодейства* (Пушкин); *Листницкий оглянулся на сотенного командира: на лице есаула — глухое отчаяние* (Шолохов); *Но в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное* (Лермонтов); *В твоём голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая* (Лермонтов); *В голосе этой барышни за стеной — какая тупость, какая скука* (Блок); *К чести нашей народной гордости надобно заметить, что в русском сердце всегда обитает прекрасное чувство взять сторону угнетенного* (Гоголь).

Указание на лицо может вообще отсутствовать, тогда «область бытования» как бы сводится к некоторой «части» личности. Ср. *Глаза меняются в зависимости от темы разговора: есть в них и скучная южная страстность — голый «темперамент»; и какая-то молодая живость, честность, но главное — глубокая обида, ряд каких-то физических и душевных мук* (Блок); ... *наполнять письмо пустяками и о чем-нибудь, тогда как в душе такое горе, я не могла* (Достоевский); *На душе вот такой же синий покой и чистота* (Шолохов).

Итак, в предложениях, касающихся внутреннего мира человека, «область бытования» может иметь разную репрезентацию. Она может состоять в общем указании на характеризующее лицо (тип *у меня*), она может принимать более конкретно-локальную форму (*во мне, на мне, со мной*), она может суживаться (*на душе, на его совести, в сердце*), она может раздваиваться (*у меня на сердце*), она может, хотя и в редких случаях, совсем не обозначаться. Существуют определенные условия выбора того или другого способа обозначения характеризующего лица. Они относятся отчасти к области семантики (ср. грех, преступление, убийство могут быть только *на человеке, на его совести, на сердце, на душе*), отчасти закреплены нормой и узусом (принято: *у него на уме*, но не **на его уме*, хотя допустимо *у меня в мыслях и в моих мыслях, у меня на душе и в моей*

душе). В некоторых случаях норма колеблется. Ср. *Мутно гляжу на окна. В сердце тоска и зной* (Есенин) и *И на сердце изморозь и мгла* (Есенин) ²⁷.

Наиболее общий и универсальный способ обозначения «области бытования» (*у меня, у тебя* и пр.) тоже наталкивается на известные ограничения. Так, разрешено *У меня на душе (совести) грех* и *На моей душе (совести) грех*, но не * *У меня грех* (нужно: *на мне грех*). Впрочем допустимо *Есть у него один грешок; Есть у меня грех один* (в интродуктивном смысле), а также *Есть за ним грех один; За ним водятся грешки*.

Предложения о психическом состоянии человека, структуре его личности и пр. допускают следующие коммуникативные формы.

1) Утверждение касается наличия или отсутствия некоторого свойства или состояния. Ср. *Совесть-то у него хоть есть? Вот совести у него как раз и нет; Ты любишь Николая? Нет, у меня к нему нет ни капли любви; «Но точно ли был у меня талант?», сказал он наконец: «не обманулся ли я?» [...] «Да», проговорил он отчаянно: «у меня был талант; везде, на всем видны его признаки и следы...»* (Гоголь).

2) утверждение касается самого психического свойства или состояния. Ср. *Ах, мама, все-то у тебя секреты, да хитрости*.

При постановке вопроса, предполагающего данную актуализацию, необходимо уточнение того аспекта психической жизни человека, который имеется в виду. Ср. *Что у тебя на душе (на уме, в сердце, на совести)? Какое у тебя к нему чувство?* В этом втором случае вопрос, касающийся компонента психической жизни, неотличим от вопроса о характере (свойствах) переживания. Ср. также идентичность вопросов: *Что ты к нему испытываешь?* и *Какое чувство ты к нему испытываешь?*

3) Утверждение касается качественной характеристики компонента психической жизни.

Такая актуализация особенно типична для предложений, в которых имя соответствует психической константе, постоянной величине внутренней структуры человека, его «неотчуждаемой собственности» (ср. *душа, сердце,*

²⁷ Это различие можно объяснить ассоциацией с предложениями прямого значения. Ср. *В пустыне зной, но На крыше (на деревьях) изморозь* (наблюдение Е. Н. Ширяева).

ум, воля). Ср. *Во мне сердце твердое, они чувствуют* (Шолохов); *У тебя сердце жидкое* (Шолохов); *Волчиное в тебе сердце, а может и никакого нет, камушек заместо него заложенный* (Шолохов).

Такие предложения выражают отношения предикации. Локализатор в них получает функцию посессивного детерминанта имени. Ср. *Ум у него был пронизательным*.

Актуализацию определения имени приходится наблюдать и в предложениях, в которых имя общего значения сопровождается придаточным экспликативным или инфинитивом. Ср. *А у меня такое чувство, как будто я родилась уже давно-давно* (Чехов); *У меня такое правило, что я никому не препятствую* (Салтыков-Щедрин) = мое правило — никому не препятствовать; *У него была страсть, у этого молодого человека, всех заставлять работать* (Казакевич) = его страстью было всех заставлять работать.

4) Актуализуется количественное определение имени. Ср. *Секретов у нее теперь очень много; Вкуса у нее бездна; Идей у него всегда много; И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной образованной светскости, и, боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным* (Гоголь).

Вопрос о шкале измерения разных элементов психической жизни представляет чрезвычайный интерес. Однако здесь не место на нем останавливаться. Укажем лишь, что для некоторых психических свойств и событий количественная характеристика (указание на интенсивность состояния) совпадает с качественной (ср. *глубокое уважение, большая любовь* и пр.). Поэтому многие высказывания этой группы, как и вообще высказывания с событийным именем, не различают по форме актуализацию качественного и количественного определения имени.

5) Утверждение касается характеризуемого данным свойством или переживанием лица. Подобная актуализация встречается редко. Ср. *У кого есть предложения (соображения, пожелания, возражения и пр.)? У кого из них самое доброе сердце? Самое доброе сердце у Анны*.

6) Утверждение имеет интродуктивный характер. Ср. *Есть у меня одна идея (один план, одна мысль); У меня есть возражение; Есть у меня одна заветная мечта; Было у него странное предчувствие; У Пушкина была еще одна*

особенность (Паустовский). В предложениях этого типа имя обычно носит обобщенный характер, предполагающий дальнейшую экспликацию. Интродуктивные предложения поэтому смыкаются с предложениями, включающими придаточное экспликативное или экспликативный инфинитив. Ср. *Есть у меня одна идея (один план). Я подумываю о том, чтобы провести осень в Пушкинских местах* = *Есть у меня идея (план) провести осень в Пушкинских местах.*

Перечисленные коммуникативные формы бытийных высказываний характерны не для всех предложений, включенных нами в данный класс. Это связано с тем, что существительные, относящиеся к внутреннему миру человека, семантически очень разнородны. Кроме того, они обладают разной степенью семантической обобщенности (ср. *душа, сердце* — с одной стороны, и *грусть, живость, заботность* — с другой).

Промежуточную зону между сообщениями о психических и физических свойствах лица составляют высказывания о симптомах, внешних проявлениях внутренних свойств или состояний человека. Естественно, что там, где речь идет о некоторой двусторонней сущности — знаке, символе, симптоме, признаке, — высказывание столько же указывает на означающую (внешнюю, физическую), сколько (или в большей степени) на означаемую (внутреннюю, психическую) сторону явления. Ср. *У нее такое доброе лицо и глаза* (Достоевский); *У нее такие торжествующие глаза* (Леопов); *Часто вижу вас и вашу сестру. У нее всегда такое доброе, сосредоточенное выражение* (Чехов); *Я здесь, Марик, Что ты? У тебя слезы?* (Арбузов); *У старика был несчастный голодный вид* (Казакевич).

К способам экстерииоризации внутреннего мира в известной степени могут быть отнесены и «отчужденные» проявления личности (письма, дневники, художественные произведения). Ср. *В стихотворениях Тютчева — эллинское, дохристианово чувство Рока, трагическое* (Блок); *В стихах самого Гумилева было что-то холодное и иностранное, что мешало его слушать* (Блок); *В книге много прекраснейших мыслей и планов* (Есенин).

2. Высказывания о физическом состоянии: *У него, как оказалось, вывих* (Шолохов); *Брось меня, казак...* *У меня ведь сквозная рана в живот* (Шолохов); *Да у тебя белая горячка, что ль!* (Достоевский); *Ирина Николаевна плачет,*

а у Петра Николаевича астма (Чехов); В клинике его смотрели лучшие профессора — у него тридцать три болезни, а сердце вообще ни к черту (Арбузов).

В этом, как и в предыдущем случае, «область бытия» может еще более сужаться, претерпевая при этом процесс локализации, т. е. сближения с обстоятельством места. Ср. *Сонька руку выгибает, а в глазах — круги, круги (Евтушенко); Вроде все бы спокойно, все в норме, а в руках моих — детская дрожь (Евтушенко); В ногах была слабость, но голова не болела (Бунин).*

Предложения этого разряда обозначают спонтанные, стихийные состояния человека. В этом отношении они аналогичны сообщениям о состоянии среды (*В тайге заморозки*). Непроизвольность состояния, его независимость от воли лица подчеркивается заменой формы *у нее* на форму *с ней*, занимающую близкую к объектной позицию. Ср. *С ней обморок; С ним припадок (приступ); Что с тобой? Со мной ничего нет; Со мной дурнота какая-то.* Локализатор *со мной* ограничен именами типа *обморок, дурнота, приступ, припадок, падучая*, неопределенно-личными, вопросительными и отрицательными местоимениями. С названиями болезней он употребляется редко (*с ним какое-то нервное заболевание; с ним жар*).

Предложения этого разряда могут иметь следующие коммуникативные формы.

1) Утверждается наличие или отсутствие некоторого физического состояния. Ср. *Доктор, вы считаете, что у больного есть язва? Думаю, что язвы у него нет; Вероятно, у него есть какой-то воспалительный процесс; С тобой бывают обмороки? Со мной этого (такого) не бывает.*

2) Утверждается характер состояния. Ср. *Что с ним? У него приступ печени; С ним обморок.*

3) Утверждение касается субъекта состояния. Ср. *У кого был обморок? Обморок был у Анны; У кого из больных приступ печени? Приступ у Петрова.*

4) Предложения этого типа в общем случае лишены интродуктивного варианта. Это отчасти можно объяснить тем, что входящие в них имена, как правило, семантически достаточно определены, конкретны, не имеют обобщенного значения. Допустимо в интродуктивной функции: *У него есть один недуг; У него была одна странная болезнь; С ним бывали странные явления.*

5) Актуализуется примененное качественное определе-

ние. Ср. *Приступ у него был острый; Обморок у нее был глубокий*. В этом коммуникативном варианте предложения стремятся выйти за пределы экзистенциальной структуры и перестроиться по предикатному типу. Ср. *Обморок у нее был глубоким; Болезнь у нее была тяжелой*.

6) Актуализуется количественное определение имени. Ср. *Сколько у него ранений? У него два тяжелых ранения и одно легкое; Сколько раз у него было воспаление легких? В прошлом году у него было два воспаления легких*. Такая актуализация возможна только для «счетных» (дискретных) физических состояний.

3. Высказывания о физических свойствах человека, в том числе о его «неотчуждаемой собственности» (частях целого): *У него было хорошее, почти микроскопическое зрение (Паустовский); Но разве бывают у людей, собравшихся повеселиться, такие выпяченные груди и такая неправдоподобная походка (Куприн); Но и при луне было видно, что у него поблекшее, обветренное лицо (Бунин); У атамана-то — волчий ожерелок, ишь голову не повернет (Шолохов); Дядя Коля, у вас медвежьи лапы, вы никогда не научитесь держать в них маленьких детей (Симонов); У тебя не нога, а лошадиное копыто (Шолохов); Дмитрий Романович — певец. У него голос. В горле у него бас, понятно? (Леонов)*.

В предложениях этого разряда допустима дополнительная локализация признака. Ср. *Послушай, повернись! Что это у тебя на спине? — приказал офицер с погонами полковника (Шолохов); Что там на голове у меня? — В четверть зарубка. Это тебе на память (Шолохов); «А посмотри, Иван, кажется, у меня на носу как будто прыщик», сказал он и между тем думал: «вот беда, как Иван скажет: да нет, сударь, не только прыщика, и самого носа нет!» (Гоголь)*.

Предложения этого разряда имеют следующие коммуникативные формы.

1) Утверждается наличие или отсутствие признака. Такая актуализация возможна по отношению к «переменным», некомплектным «деталям» человека, в патологических случаях, а также при наличии особого коммуникативного задания. Ср. *У него есть борода (усы, родинка на щеке, веснушки, шрам и пр.)? У него нет одной ноги; У этого инвалида есть обе ноги, у него только нет на одной ноге пальцев; У тебя же есть руки, почему ты не сделаешь этого*

сам; У меня есть глаза, я все вижу; У меня есть уши, не кричи. Ср. также у Гоголя в «Носе»: Испугавшись, Ковалев велел подать воды и протер полотенцем глаза; точно: нет носа! И ниже: «Я не понимаю, как вы находите место шуткам», сказал он с сердцем: «разве вы не видите, что у меня нет того, чем бы я мог понюхать? Чтоб черт побрал ваш табак!» и в конце повести: Проходя через приемную, он взглянул в зеркало: есть нос.

2) Утверждается наличествующая «деталь». Такая актуализация также возможна только применительно к «некомплектным» частям человека. Ср. *Что у меня на щеке? У тебя просто небольшой прыщик; А знаете ли, что у алжирского бей под самым носом шишка?* (Гоголь).

3) В коммуникативный фокус попадает «обладатель», носитель признака. Такая актуализация встречается лишь в особых случаях. Ср. *Родинка на щеке у моей младшей дочери; Самый красивый профиль у Андрея.* Такие предложения выражают отношения идентификации.

4) Предложения этого разряда не получают интродуктивной функции. Сообщения о «неотчуждаемой собственности» человека (т. е. о его голове, руках, ногах и пр.) не нуждаются в экзистенциальной интродукции.

5) Коммуникативный фокус наведен на качественное определение имени. Ср. *Какие у нее глаза? У нее голубые глаза; Глаза у нее голубые; Руки у нее золотые; Слух у нее был очень тонкий: [...] у одного из которых был нос никак не больше жилетной пуговицы* (Гоголь). Такого рода актуализация вполне закономерна, поскольку в общем случае нет нужды делать специальные сообщения о наличии у человека «комплектных» частей. Регулярная актуализация приименного определения ведет к тому, что анализируемые в этой рубрике предложения переходят из разряда экзистенциальных высказываний, членимых на компоненты, соответствующие области бытия, показателю существования и бытующему предмету, в категорию субъектно-предикатных предложений, членимых на субъект, его детерминант, определяющий референцию имени, и качественный предикат. Это очень ясно видно на следующих примерах: *Голос у нее был низкий, цыганский, и песни ему под стать — озорные или надрынные* (Казакевич); *Морда у него была в репьях, и пес, немного полаяв, начинал тереть морду лапой* (Паустовский); *Глаза у него были темные и выпуклые* (Паустовский); *Руки у нее были жилистые с си-*

ними вздутыми венами, кривые от работы (Паустовский); Волос на нем был черный, густой (Гоголь); «Ах, какие чудесные у этой плечи» (Гоголь).

Р* Отрицание и вопрос касаются только предиката (приименного определения) подобных предложений. Ср. *Какие у нее глаза? У нее черные глаза? Нет, у нее не черные глаза: Глаза у нее не черные.* Экзистенциальный *нет*-предикат в этих случаях невозможен.

6) В коммуникативном фокусе находится количественное определение имени. Ср. *Веснушек на лице ее было множество.*

* * *

Событийные предложения, относящиеся к микромиру человека, могут перестраиваться по субъектной модели, если входящее в них имя соотносимо с глаголом или прилагательным. Ср. *...и есть у него желание, чтобы эта особа в законе была* (Салтыков-Щедрин) = он желает, чтобы эта особа в законе была; *Да у меня и мысли такой в голове, не было, чтобы смеяться* (Куприн) = да я и не думал (не собирался) смеяться; *Есть у меня думка продать ее и купить на те гроши корабельных гвоздей* (Паустовский) = я подумываю (собираюсь) продать ее и купить на те гроши корабельных гвоздей; *У него нет совести* = он бессовестный; *У него нет сердца* = он бессердечный; *У нее всегда одни хитрости* = она хитрая; *у нее всегда секреты* = она скрытная = она все держит в секрете. Ср. также возможность преобразований с глаголом *иметь*: *У нее был унылый вид* → *Она имела унылый вид.*

«Предметные» предложения, относящиеся к микромиру человека, могут быть перестроены по субъектному типу с участием глагола *иметь*. Такое преобразование порождает либо малоупотребительные, либо неприемлемые для русского языка высказывания. Так, если предложения типа *имею детей (сестру, друга), имею деньги (дом, сад)* характерны для официального стиля, то предложений *имею черные глаза и курносый нос* избегает даже анкета²⁸.

Высказывания о микромире человека могут относиться к конкретному лицу. Ср. *У Пети есть дети; У этой де-*

²⁸ О семантическом соотношении конструкций с глаголами *быть* и *иметь* см.: О. Н. Селиверстова. Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.

вочки очень красивые глаза. Они могут относиться к определенной категории лиц. Ср. *У идиотов ведь нет никаких высших побуждений и свойств, отличающих человека от животного: ни разума, ни речи, ни воли* (Куприн). Они могут относиться к неопределенному или любому человеку. Ср. *У каждого своя судьба (звезда); Петенька, у всякого свой вкус: один любит арбуз, а другой — свиной хрящик* (А. Островский); *У кого-то пожар*. Они могут выражать неопределенно-личное суждение. Ср. *Есть предложение поехать за город; Есть намерение остаться дома; Существует мнение, что не следует спешить*.

Таким образом, бытийные предложения, относящиеся к микромиру человека, соотносятся со всеми типами глагольных предложений, выделяемыми по характеру субъекта.

* * *

Заканчивая общую характеристику экзистенциальных предложений, относящихся к микромиру человека — его предметному, человеческому и ситуативному окружению, его собственности, физическим и психическим свойствам и состояниям, его социальному статусу, поведению, манерам, ощущениям, взглядам, эмоциональному и интеллектуальному содержанию, отношению к другим людям, намерениям и многому другому, мы убеждаемся в том, что практически все семантические типы сообщений, касающиеся личной сферы, могут получить в русском языке форму бытийных предложений. Беспредельно расширяя семантический репертуар действительных, входящих в бытийные предложения, русский язык получает возможность при помощи одной синтаксической структуры передавать самые разнообразные сообщения о человеческой жизни.

Прибегая к бытийным предложениям, русский язык моделирует сообщения о микромире по типу сообщений о макромире. Бытийное построение высказывания предполагает опредмечивание всех компонентов того мира, о котором делается сообщение, в том числе явлений, процессов, событий и переживаний, свойств характера и внутренних состояний. Микромир человека в бытийных предложениях, таким образом, пропускается через призму предметности.

Использование одного принципа для описания макро- и микромира составляет особенность русского языка, отличающую его от ряда других европейских языков, в частности романских и германских, в которых сообщения о макромире, взятом в его предметном аспекте, моделируются по бытийному типу, представленному синтаксически четкой конструкцией (англ. *there is*), а микромир человека изображается по «имущественному» принципу владения, принадлежности (англ. *have*): в мире нечто существует (есть), человек нечто имеет. Хотя в романских языках конструкция, служащая для сообщений о предметном содержании мира, сформировалась на базе глагола *иметь* (фр. *il y a*, исп. *hay* и др.), сам принцип построения сообщений о микро- и макромире различен. В испанском языке, например, в высказываниях о мире сохранился глагол *haber* 'иметь', в то время как во всех прочих случаях, и прежде всего в сообщениях о человеке, используется в этом значении глагол *tener*. Таким образом, в то время как в германских и романских языках прослеживается тенденция к дифференциации сообщений о «большом» и «малом» мирах, в русском языке, напротив, те и другие высказывания часто строятся по одному образцу: принцип бытия, существования применяется в нем и к тому, что есть в мире, и к тому, что есть в человеке, у человека, с человеком и в непосредственном окружении человека.

Языки, противопоставляющие мир бытия сфере принадлежности, сообщения о мире сообщениям о человеке, в то же время с большей определенностью противопоставляют мир предметов миру свойств, признаков и событий, бытийные сообщения о предметном содержании мира — субъектно-предикатным сообщениям о свойствах предметов, в том числе и человека.

Область бытия — фрагмент мира

1. Высказывания, утверждающие бытование, присутствие или отсутствие в определенном фрагменте мира некоторых объектов — предметов, лиц, животных, учреждений и пр.: *На высоком пьедестале — фигура Колумба* (Горький); *Перед тахтой медвежья шкура* (Симонов); *За окнами, на крышах, первый выпавший снег* (Симонов); *У Невы, на каменных скамьях, влюбленные* (Арбузов);

В углу аккуратно сложенная стопка дров — все, что осталось от буфета (Арбузов); В сенях на полу, как раз против входа в горницу, — открытая дубовая домовина (Федин); Везде казаки и солдаты... дорого мне стоило быть там (Горький); Тогда майор спросил, нет ли в лесу, по крайней мере, университета или хотя бы академии, дабы их спалить (Салтыков-Щедрин); — Да, мой друг, удивительно, как это нынче... Говорят даже буфет в суде есть? — Есть и буфет (Салтыков-Щедрин).

В предложениях этого типа встречаются следующие виды актуализации.

1) Актуализован показатель бытия. Ср. *В вашем институте есть столовая? Нет, столовой у нас нет. Да, столовая у нас есть; На престоле должен быть король. Да говорят, нет короля. Государство не может быть без короля. Король есть, да только он где-нибудь находится в неизвестности (Гоголь, Записки сумасшедшего); Услышал милостивый бог слезную молитву сиротскую, и не стало мужика на всем пространстве владений глупого помещика (Салтыков-Щедрин); — Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет? — Как нет мужика — мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает (Салтыков-Щедрин).*

2) Актуализован бытующий предмет. Ср. *Что у них в саду? У них только яблони; Снова снег на поле (Есенин); В конце Фуриштадской — питейное заведение (Салтыков-Щедрин); Боюсь как бы воры в амбар не забрались. Там у меня просо (Чехов).*

Различие в актуализации показателя бытия и имени предмета ясно видно на примере следующих предложений: *В Англии есть король; Сейчас в Англии королева.* В первом высказывании утверждается тот факт, что Англия — королевство, во втором — к какой категории принадлежит теперешний монарх данного королевства.

3) Актуализовано качественное определение имени. Ср. *В этом номере журнала есть очень интересная статья; Мужики в этой деревне работающие.*

Высказывания с такой коммуникативной направленностью выражают отношение предикации. Локализатор, примыкая к имени, приобретает функцию детерминанта. Ср. *Мужики в этой деревне работающие* = те мужики, которые живут в этой деревне, работающие.

4) Актуализовано количественное определение при имени предмета. Ср. *...теперича в нашем районе этого торгующего народа — на каждом шагу (Салтыков-Щедрин); Молеельщиков внутри церкви было немного (Гоголь); Мало ли женихов при дворе, всякий рад взять за себя твою Наташу (Пушкин).*

5) Актуализован локализатор. Ср. *Где здесь булочная? Где у тебя табак?*

Такого рода актуализация, как уже отмечалось, в принципе противоречит экзистенциальному типу, имеющему в качестве исходного пункта сообщения область бытия, а в качестве сообщаемого — указание на имеющиеся в этой области виды объектов.

6) Предложения интродуктивного типа, вводящие предмет последующего сообщения или повествования. Ср. *Вот что: есть тут индивидуй один... взыскание на него у меня, так нужно бы подстеречь (Салтыков-Щедрин); Когда я в Проломновской губернии жил, то был там один начальствующий — так он всегда все к стыду совершал (Салтыков-Щедрин).*

Область бытия может иметь двойное обозначение — через указание на место и на лицо (обычно рассказчика). Ср. *Позвольте вам доложить, — вступился Очищенный, — есть у нас при редакции человек один, с малолетства сочинение «О полярном клопе» пишет, а публиковать не осмеливается (Салтыков-Щедрин); У меня на Оке был друг садовник, большой души человек (Паустовский).*

2. Высказывания о событиях, происходящих в некотором фрагменте мира.

1) Субъектные события. Ср. *Она уезжала в гости куда-нибудь на завод или к соседям-помещикам и там игра в карты, танцы, фанты, ужин (Чехов); У прилавка моховского магазина — давка, толкотня (Шолохов); В коршуновском курене — предсвадебная суета (Шолохов); Высыпали мы на улицу, а уж тут гонка машин с беженцами (Федин); Рядом бессвязно скачущий разговор (Шолохов); Тут, брат, такая каша второй день (Л. Толстой); Во дворах кишат солдаты; в хатах суетня: хозяева собираются выезжать (Шолохов).*

В предложениях этого разряда употребительны имена качественные и оценочные. Ср. *Здесь вертеп, да! (Горький); Там жуть, безобразие (Бунин); Василиса Егоровна! — сказал комендант. — Здесь не бабье дело, уведи Машу*

(Пушкин); Просто: нет, мол, в такой-то стране благопристойности — и дело с концом (Салтыков-Щедрин); Благопристойность вводит хотя. Это, конечно, [...] много нынче этого невежества завелось, в особенности на улицах (Салтыков-Щедрин); Так протекала мирная жизнь человека, который с четырьмястами жалованья умел быть довольным своим жребием, и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге не только титулярным, но даже тайным, действительным, надворным и всяким советникам, даже и тем, которые не дают никому советов, ни от кого не берут их сами (Гоголь).

В отличие от предложений о микромире человека, логическим субъектом которых является лицо (ср. у нее на глазах слезы, у него на душе тяжесть), высказывания этого типа, обозначая неопределенно-личные события, являются сообщениями скорее об арене действий, заведений, учреждениях, организациях, чем об участниках события. Предложение *В доме суета* характеризует обстановку в доме, а не суетящихся персонажей. *В театре толчея, аплодисменты* — сообщение о театре, а не о зрителях. Это же соображение относится и к неопределенно-личным предложениям типа *В доме суетятся; В театре аплодируют*. Устранение из предложения подлежащего может быть подчинено не только задаче исключения из него некоторой информации, но и изменению логического субъекта сообщения: субъект-лицо заменяется субъектом локального или иного типа.

2) Безличные события. Сюда могут быть отнесены сообщения о состоянии среды, стихийных явлениях, времени, общей ситуации и ее оценке, общесоциальных явлениях (например, эпидемиях, голоде, неурожае). Ср. *Есть в Петербурге сильный враг всех, получающих четыреста рублей в год жалованья, или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз, хотя впрочем и говорят, что он очень здоров* (Гоголь);... *а по окраинам — простор, безлюдье, тишина* (Бунин); *В белых снежных полях, в метели — глушь, дичь, а в избе — уют, покой* (Бунин); *На дворе и впрямь полдень* (Бунин); *Там теперь такая ж осень* (Есенин); *Теперь у вас зима* (Есенин); *На Ривьере небывалые ливни и бури, в Афинах снег... Все уверены, что совсем не то в Сорренто, на Капри* (Бунин).

Поскольку события ориентированы на ось скорее времени, нежели пространства, «область бытия» в этом разряде предложений может иметь темпоральный, а не локальный характер. Ср. *И немного погода опять тот же крик, грубый и протяжный, точно из-под земли* (Чехов); *Скоро весна; Завтра будет хорошая погода (дождь, гроза, метель и пр.); Вчера дождя не было; Сегодня без осадков; Сейчас еще нет сумерек; В эту пору заморозков еще не бывает.* Такие предложения содержат сообщения, субъектом которых является определенный (конкретный, данный) или регулярно повторяющийся отрезок времени, сезон, время дня и т. п. Для русского языка, однако, очень естественно в сообщениях о временах года прибегать к чисто условному пространственному локализатору (ср. *На дворе февраль; На улице уже лето*). В этом можно видеть давление общей семантической структуры бытийных предложений на их частные разновидности.

Предложения с событийным именем допускают следующие типы актуализации.

1) Актуализован предикат реализации (фактуальности). Ср. *У нас сейчас дождь, а у вас дождь есть? Да, и здесь дождь; Сейчас уже есть два часа? У вас, верно, и тишины нет? Отчего же, тишина здесь есть; Есть здесь и горе, и радость, и правда, и ложь; Вчера были танцы? Нет, вчера танцев не было; Хорошо-то оно хорошо, а загвоздочка все-таки есть* (Салтыков-Щедрин).

2) Актуализован «бытующий предмет» (имя события). Ср. *Какая завтра погода будет? Завтра кратковременный дождь, возможна гроза; Что там? Там ураган; Что там? Там беспорядки.*

3) Актуализовано качественное или интенсифицирующее определение «бытующего предмета». Ср. *Был дождь. Дождь был проливной (проливным); Все суетились. Суета у них в доме была ужасная.* Такие предложения выходят из поля бытийности.

4) Актуализовано количественное определение события. Такая актуализация возможна в тех случаях, когда к событию применимо понятие кратности. Ср. *Сколько раз был вчера в городе дождь? Вчера дождь был два или три раза; У вас часто бывают ураганы? Ураганы бывают здесь довольно часто.*

5) Актуализована «область бытия». Ср. *Кое-что от Гете, например, есть и в России, не в одной Германии*

(Блок): *Где сейчас жара? Жара в Крыму и на Кавказе; Где у нас бывают самые большие холода? Самые сильные морозы бывают в Верхоянске.*

Подобная актуализация всегда стремится вывести высказывание за пределы бытийного типа. Сравним следующие две вопросно-ответные пары: а) *Где чаще всего бывают автомобильные катастрофы? Автомобильные катастрофы чаще всего бывают в районе старого города с его кривыми улицами;* б) *Где была эта катастрофа? Эта катастрофа была в районе аэропорта.* В первом предложении экзистенциальные отношения скрывают за собой отношения идентификации, во втором высказывании имеет место локальная предикация, относящаяся к конкретному событию.

б) В коммуникативный фокус попадает предикат бытия и имя события (интродуктивные высказывания). Ср. *Было тут одно странное обстоятельство (происшествие, событие).* Если предложение о событии носит интродуктивный характер, в него обычно вводятся глаголы *происходить, случаться, иметь место.* Ср. *Случилась в это время одна история; Тут произошло нечто удивительное (странное, необычное); Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие (Гоголь).* Сами по себе названные глаголы указывают лишь на реализацию некоторого события, факта, ситуации, происшествия. Они столь же мало добавляют к понятию о событии, как экзистенциальные глаголы *быть, существовать* к понятию о предмете. Различие состоит лишь в том, что бытийные предложения прежде всего ориентированы на пространственную ось мира, а событийные — на временную. Одни в своей первичной функции утверждают существование предмета, другие — свершенность или свершаемость события.

Предложения, в которых «область бытования» соответствует некоторому фрагменту мира, регулярно выполняют в тексте определенную стилистическую функцию: бытийный синтаксический тип очень популярен при описании арены событий, общей обстановки, кулис, фона. Ср. *В сарае — сухая прохлада, запах ременной упряжи и слежалой соломы (Шолохов); И в песчаном половодье, в далекой россыпи зернистых песков — редкие острова хуторов, левад, рыжеющая щетина талов (Шолохов); В темноте, в глубине сада — сказочная картина (Бунин); На полу —*

перерезанная крестом оконного переплета золотая дрема лунного света (Шолохов); Около Исаакиевского собора мы были с Любовью Александровной. Народу сравнительно с прежними годами — вдвое меньше. Иллюминации почти нет. Торжественности уже никакой, как и мрачности, черноты прежних лет тоже нет. На памятнике Фальконе — толпа мальчишек, хулиганов, держатся за хвост, сидят на змее, курят под животом коня. Полное разложение (Блок, Дневники, запись от 25/III—16 г.).

Использование бытийных предложений в статическом тексте не свидетельствует однако об их неспособности передавать динамику событий. Напротив, замена предметных имен на событийные легко переключает их из пространственного плана во временной, в котором они часто служат для указания на последовательность, смену действий, либо на внезапные происшествия.

Ср. Сначала простые слухи, потом дворянские собрания с их адресами, потом губернские комитеты, потом редакционные комиссии — все это изнурило, поселяло смуту (Салтыков-Щедрин); Значит, ехать? Опять вагоны, станции, буфеты, отбивные котлеты, разговоры (Чехов); А потом, как вчера и всегда, ужин, чтение, бессонная ночь и бесконечные мысли все об одном (Чехов).

Фоновые сообщения о событиях легко редуцируются к одночленному типу. *Ср. Тишина; Свадьба; Февраль; Война; Зима; Метель; Толкучка.*

В заключение общей характеристики предложений, в которых область бытия ограничена фрагментом мира, заметим, что на их основе возникла популярная фразеологизованная конструкция, открывающаяся словами *тут, а тут, а тут* еще, утратившими локальное значение. За названными локализаторами может скрываться условное указание на человека (его микромир), на время события, сферу происшествия и т. п.

Ср. Тут, брат, своя психология (Достоевский); Да и не обман тут — одно ребячество, баловство (В. Смирнов). Тут, брат, стыдливость, молчаливость, застенчивость (Достоевский), А тут контраста. Приходится отступать (В. Смирнов), А догадаешься ты, что тебя обманывают, и осудишь человека, так уж какое тут добро, только грех один (А. Островский). Ради шутки я готова слушать и бред, но ведь тут претензии на новые формы, на новую эру в искусстве (Чехов).

Как показывают приведенные примеры, *тут* играет роль презентатива, вводящего сообщения о разного рода обстоятельствах, влияющих на ход событий, неожиданно возникающих препятствиях, соображениях «по ходу дела», эмоциях, чертах характера и пр.

Утратили (или ослабили) локальное значение наречия *кругом, вокруг, везде*, входящие в сообщения о распространенности некоторых явлений. Так, в следующих предложениях наречия имеют локальное значение: ... *не-весть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом* (Пушкин); *Пишет, что кругом стень, тишина*. В приводимых ниже предложениях локальное значение утрачено или сильно ослаблено: *Хуже бирюков стал народ. Злоба кругом* (Шолохов); *Куда ни повернись везде неправда* (В. Смирнов); *Обман кругом, обманище, — размышлял горько Шурка* (В. Смирнов); *Измена кругом, снарядов, патронов не хватает, а бестолковщины завсегда невпро-ворот* (В. Смирнов).

Эти примеры, как и введение локального элемента в сообщения о временах года и состоянии среды (тип *На дворе февраль*), свидетельствуют об органичности связи экзистенциальной модели с локальным детерминантом: последний удерживается даже в тех случаях, когда собственно локальное значение несовместимо с входящим в бытийное предложение именем. Ср. уже приводившийся пример: *Боюсь, что з д е с ь больше хамства, чем чего-либо другого* (Блок), где локализатор *здесь* относится к конкретному лицу.

Область бытия равна миру

Именно о предложениях этого класса можно сказать, что они суть суждения о мире, его свойствах, структуре устройстве, предметном содержании, закономерностях, о том, как его воспринимает и осмысляет человек.

1. Предложения о наличии в мире некоторых индивидуальных объектов или классов объектов.

Если речь идет о бытии единичного объекта, то экзистенциальная конструкция применяется редко. Высказывание обычно строится по субъектно-предикатному типу с использованием глагола *существовать*. Ср. *Пегас не существует; Гомер существовал*.

Такого рода предложения, создающие логические парадоксы (см. выше), отличны от локально-бытийного образца. Будучи эмфатическим коррелятом экзистенциальных предложений, абсолютные утверждения с глаголом *существовать* представляют собой своего рода опровержения противоположной точки зрения.

Мы хотим здесь еще раз подчеркнуть прочность связи бытийного типа с именем нарицательным. Даже когда в бытийных предложениях фигурирует имя собственное, в нем выделяется «концептуальный аспект», атрибуты, присутствующие в данном объекте. Этим открывается возможность употребления перед именем собственным местоименного прилагательного *такой*. Ср. ... *ко времени личного знакомства Леонид Андреев уже знал, что существует т а к о й Александр Блок, с которым где-то, как-то и для чего-то надо встретиться, и он окажется не чужим* (А. Блок).

Если речь идет о классе предметов, то предложения могут быть построены как с глаголом *быть*, так и с глаголом *существовать*. Ср. *Есть на свете и лешие и ведьмы; Ведьмы существуют, а леших нет; Сколько есть насекомых, гадов различных, которые только того и ждут, чтобы на них пролился свет науки* (Салтыков-Щедрин).

2. Сообщения о наличии (отсутствии) в мире некоторых явлений, понятий, категорий. Позицию имени в этом разряде особенно часто занимает неопределенное или отрицательное местоимение (*нечто, что-то, ничего*), сопровождаемое определением, или делексикализованное существительное *вещи*, выполняющее местоименную функцию. Ср. *Есть вещи, которые дамы не простят никому, будь он кто бы ни было, и тогда прямо пиши пропало* (Гоголь); *На свете счастья нет, а есть покой и воля* (Пушкин); *Да ведь на белом свете не все же дурное, есть что-нибудь и хорошее* (А. Островский); *Есть сияющие вершины (истина, красота и добро), но вы, люди, — свиньи, и для вас все это слишком высоко* (Блок); *Он понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, — это неизбежный ход событий* (Л. Толстой); *Но на свете нет ничего долговременного, а потому и радость в следующую минуту за первую уже не так жива* (Гоголь); *Что бывают на свете лишние мысли, лишняя совесть, лишние чувства, — об этом, еще живучи на воле, вобла слышала* (Салтыков-Щедрин); *Конечно, в жизни все следует предусматривать и на все*

рассчитывать, но есть вещи до того непредвидимые, что как хочешь их предусматривай, хоть всю жизнь о них думай, они и тогда не утратят характера непредвиденности (Салтыков-Шедрин).

Предложения, содержащие суждения о мире, могут иметь следующие коммуникативные формы:

1) Актуализован показатель бытия. Такая актуализация составляет характерную черту именно данного класса бытийных предложений. Она располагает особым бытийным предикатом — глаголом *существовать*. Ср. *Истина существует; Добро существует; Русалки есть; Русалок нет; Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете; редко, но бывают* (Гоголь).

2) Актуализовано имя «бытующего предмета». Ср. *Вскакивая с рундука на рассвете, она сразу вспомнила, что в мире — радость* (Бунин).

3) Актуализовано качественное определение имени. Ср. *Есть люди, которые за все берутся, хоть и ничего не умеют; Есть, знаете ли, такие универсальные люди, которые умеют как-то сразу, с одного маху, очаровывать самое разнохарактерное общество* (Куприн).

Актуализация этого типа равнозначна актуализации показателя бытия, поскольку утверждение или отрицание наличия признака у неопределенной части множества равносильно утверждению или отрицанию существования самой категории объектов, выделяемой по данному признаку.

4) Актуализовано количественное определение имени. Ср. *Сколько в мире растений разных, да букашек, да таракашек! Мало ли на свете богатых людей, которым ничего не стоит бросить такие деньги, лишь бы доставить себе удовольствие! — И бывали такие особы!* (Салтыков-Шедрин).

Предложения, вводимые словами *мало ли, мало ли на свете*, в разговорной речи эквивалентны утверждениям существования объектов определенного типа. Иначе говоря, количественная интродукция в них утрачивает свое значение. Так, высказывание *Мало ли на свете добрых людей* означает 'Есть на свете добрые люди'. Справедливость такой интерпретации подтверждается ответной репликой в приведенном выше примере (*И бывали такие особы!*).

5) «Область бытия», т. е. обозначение мира, вселенной,

естественно, ничему противопоставлена быть не может (если оставить в стороне оппозицию этого и того света), она не может, следовательно, составить коммуникативный фокус высказывания.

6) Интродуктивные формы высказываний этого разряда характерны для произведений фольклора. Ср. *Жила-была Дюймовочка; Жил-был король однажды; Был на свете Зобар, молодой цыган Лойко Зобар* (Горький).

* * *

Поскольку рассуждать о мироздании пристало скорее философам, чем простым смертным, говорящие стремятся приспособить высказывания о мире для выражения более частных суждений, относящихся скорее к ближнему своему, нежели ко вселенной²⁹. Ср. *Правда, есть люди, — зычно сообщал Романус, — которые смыслят в музыке не больше, чем некоторые животные ... в некоторых фруктах* (М. Булгаков — имеется в виду конкретный персонаж повести, режиссер Стриж); *Бывают такие физиономии, которые — как ни умойай, ни холь, а все кажется, что настоящее их место не тут, где вы их видите, а в доме терпимости* (Салтыков-Щедрин — высказывание касается персонажа «Современной идиллии» Очищенного).

Весьма распространены следующие зачины оценочных высказываний — *бывают люди, бывают же люди, есть же на свете такие идиоты (бездельники, наглецы, пройдохи)* и т. п.

Для того, чтобы приспособить бытийные суждения для выражения суждений о конкретном предмете, в высказывания о мире вводится указание на лицо, определенным образом воспринимающее жизнь и соответственно к ней относящееся. Ср. *Для него нет (не существует) ничего невозможного (святого); ... из собственных ответов носа уже можно было видеть, что для этого человека ничего не было священного (Гоголь); Вне этого переписывания, казалось, для него ничего не существовало (Гоголь); ... и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну созданья.*

²⁹ Отмеченные ниже коммуникативные функции присущи не только данному, но и другим разрядам бытийных предложений. Мы останавливаемся на них в связи с суждениями о мире, поскольку сама природа коммуникативного задания в этом случае требует максимального «растягивания» области бытия.

Блажен избранник, владеющий ею. Нет ему низкого предмета в природе [...] в презренном у него уже нет презренного (Гоголь).

Приведенные предложения заключают в себе характеристику некоторых лиц, а не суждения о мире.

Суждения о мире в отрицательной форме часто служат для выражения высшей оценки (отрицательной или положительной) конкретного предмета, класса предметов, некоторого события или класса событий (явлений). Ср. *Реальности надо нам, страшнее мистики нет ничего на свете (Блок); Частный был большой поощритель всех искусств и мануфактурностей; но государственную ассигнацию предпочитал всему. «Это вещь», обыкновенно говорил он: «уж нет ничего лучше этой вещи: есть не просит, места займет немного, в кармане всегда поместится, уронишь — не расшибется» (Гоголь); Да хранит тебя всевышний от сих страстей! Нет их страшнее (Гоголь); Эти ханы ... нет в мире существе неблагодарнее их (Салтыков-Щедрин); Нет в мире человека, над которым прошедшее приобретало бы такую власть, как надо мною (Лермонтов); Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности [как Акакий Акакиевич] (Гоголь); Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге (Гоголь); Нет, я вам скажу: нет хуже жильца, как живописец: свинья свиной живет, просто не приведи бог (Гоголь).*

Бытийные предложения в этом случае скрывают за собой суждения об определенном предмете, явлении, понятии, классе предметов и пр. Ср. *Нет человека, который был бы более хвастлив и лжив, чем Хлестаков = Хлестаков — самый лживый и хвастливый человек на свете; Нет драматурга более великого, чем Шекспир = Шекспир — самый великий среди драматургов.*

Предложения бытийной уникальности взаимодействуют с высказываниями следующих видов: *Я не видел (не помню, не встречал) человека, более беспардонного, чем Хлестаков = Не родился еще человек, более беспардонный, чем Хлестаков = Свет не видел более беспардонных людей, чем Хлестаков = На свете не сыщешь человека, более беспардонного, чем Хлестаков.*

Таким образом, язык постоянно стремится, с одной стороны, обезличить высказывания о конкретном предмете, превратив их в общие суждения, а с другой сто-

роны — трансформировать суждения о мире в суждения об очень частном его элементе.

Наконец, бытийные предложения используются для сообщений об изменении качественной характеристики предмета, который в этом случае может быть обозначен референтным именем. Ср. *Художнику надлежит знать, что той России, которая была, — нет и никогда не будет. Европы, которая была, нет и не будет* (Блок).

Такое высказывание не означает, что больше не существует России и Европы. Оно указывает лишь на необратимость, по мнению говорящего, тех изменений, которые произошли в этих странах. Ср. также: *Под наплывом этих отрадных чувств начали мы припоминать стих Державина, но, к удивлению, ничего не припомнили кроме: Запасиися крестьянин хлебом / Ест добры щи и пиво пьет. — Да, брат, был такой крестьянин! был! — воскликнул я, подавленный нарисованной Державиным картиной* (Салтыков-Щедрин). *Был такой крестьянин* = крестьянин теперь уже не такой, каким был, — крестьянин уже не прежний — нет прежнего крестьянина — не тот нынче крестьянин пошел.

В предложениях этого типа суждение о процессах, происходящих во времени, т. е. суждение о качествах и свойствах предмета, строится по типу бытийных высказываний, касающихся скорее пространственно-предметных отношений, нежели отношений темпорально-качественных.

*Область бытия — совокупность
или класс предметов*

В каждом из выделенных и описанных классов бытийных предложений область бытия может получать двоякую интерпретацию. Она может быть понята в локальном или посессивном (для микромира человека) смысле, но она может быть истолкована и как некоторая совокупность предметов. Предложения этого второго типа обладают структурными, семантическими и коммуникативными особенностями, на которых следует остановиться особо.

В этих предложениях «бытующий предмет» и «область бытия» однородны, образуя некоторую совокупность, единый класс. Задача сообщения заключается в выделении из него некоторого предмета или группы предметов по определенному признаку (признакам). В предложениях

этого разряда поэтому должно присутствовать указание на особую черту предмета или группы предметов, причем атрибут в них находится в коммуникативном фокусе.

Дистинктивный признак может быть обозначен в самой номинации предмета — имени или именном словосочетании. Ср. *Класс наш был буйный, среди нас были изрядные развратники, старые курильщики, великовозрастные ухаживатели, циники и атлеты. Скоро выяснилось, что были и отчаянные революционеры (Блок); Среди них много умных и честных.*

Отличительный признак часто эксплицируется в придаточном или обособленном предложении. Ср. *Среди них есть такие, которые сходят с ума от самосудов [...], а есть такие, в которых еще снят творческие силы (Блок); Говорят, что есть такие люди, которые могут приставить какой угодно нос (Гоголь); А вот из нашей братии чиновников есть такие свиньи: решительно не пойдет мужик в театр (Гоголь).*

В отрицательных предложениях придаточное обычно содержит глагол в сослагательном наклонении. Ср. *Нет подлеца, который бы не сознавал свою подлость (Паустовский); И вряд ли найдется молодой человек, который, встретив хорошенькую женщину, приковавшую его праздное внимание и вдруг явно при нем отличившую другого, ей равно незнакомого, — вряд ли, говорю, найдется такой молодой человек [...], который не был бы этим поражен неприятно (Лермонтов).* «Область бытия» обозначается обстоятельственными словами или сочетаниями слов, указывающими — прямо или косвенно — на совокупность предметов; среди них, среди присутствующих, среди его друзей, среди его книг, среди его болезней (достоинств, дефектов, черт характера, принципов и т. п.), в отряде, в их классе, в школе, в институте и пр.

Иногда указание на множество предметов может быть скрыто за локальным или личностным детерминантом. Ср. *Он пел, и в этом есть краю / Один, кто понял песнь твою (Лермонтов); Один там только и есть порядочный человек: прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья (Гоголь); У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста (Гоголь).*

Если название «бытующего предмета» совпадает с номинацией класса или совокупности, из которой данный

предмет выделяется, то локализатор может быть опущен. Ср. *(Среди людей) есть люди, на которых ни в чем нельзя положиться; (Среди чувств) есть чувства, которые мешают жить; (Среди правил) есть правила, соблюдение которых обязательно во всяком цивилизованном обществе; (Среди детей) есть дети, которые охотно играют одни.* Например: *Есть лица, бледные от великой внутренней страсти, излучающие свет ума и благородства (Паустовский); Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила, не употребляла никаких мелких инструментов (Гоголь).*

В других случаях, напротив, опускается имя «бытующего предмета». Ср. *Среди детей есть такие, которые охотно играют сами; Среди его произведений есть такие, которые должен прочесть каждый.*

Если на класс предметов не наложено никаких дополнительных ограничений, то бытийное предложение относится к категории суждений о мире. Ср. *Есть старухи, которые молятся, а есть и такие, которые пьянствуют.* При наличии ограничений локального порядка предложение соотносительно с высказываниями о фрагменте мира. Ср. *Тут есть старухи, которые молятся; старухи, которые пьянствуют; старухи, которые молятся и пьянствуют вместе (Гоголь).* В этом предложении речь идет о населении Коломны (района Петербурга). Если дополнительное ограничение имеет личностный характер, то высказывание относится к суждениям о микромире. Ср. *У него есть мысли, которые поражают своей глубиной.*

В предложениях этой категории, как уже говорилось, всегда содержится определение имени «бытующего предмета», осуществляющее выделительную функцию. Последняя благоприятна для употребления высказываний в интродуктивной роли. Ср. *Итак, между ростовщиками был один — существо во всех отношениях необыкновенное, поселившееся уже давно в сей части города (Гоголь); В толпе нищих был один, — он не вмешивался в разговор их и неподвижно смотрел на расписанные святые ворота (Лермонтов).*

Если в интродуктивном высказывании отсутствует выделительный атрибут, ему имплицитно соответствует придаточное типа «о котором я собираюсь рассказать». Ср. *Есть у меня приятель один (о котором я намерен кое-что сообщить).*

Предложения этого разряда содержат характеристику некоторой части класса или целиком взятой совокупности предметов. Ср. *Среди них был один, который привлек к себе мое внимание* = один из них привлек к себе мое внимание; *среди них есть бездельники* = некоторые из них бездельники; *среди них много умных и честных* = многие из них умны и честны; *среди них не было никого, кто бы знал суахили* = никто из них не знал суахили; *нет русского, который не любил бы быстрой езды* = всякий русский любит быструю езду.

Позитивное экзистенциальное построение применимо до тех пор, пока атрибут не относится ко всем членам класса. Как только выделяемый признак начинает характеризовать всю совокупность предметов, говорящий должен избрать предикатную структуру. Ср. *Все они были красавицы* и *Среди них были красавицы*.

Негативные высказывания, напротив, используются именно тогда, когда признак отсутствует у целиком взятой совокупности предметов. Норма русского языка, как известно, избегает присоединения отрицательного предиката к субъекту типа *все, всё, все они* и пр. Так, нельзя сказать: * *Все они не были красавицы*. Нужно: *Среди них не было красавиц* = *Никто из них не был красив* = *Все они были некрасивы* = *Ни одна из них не была красавицей*.

Ситуация, к которой могут быть отнесены предложения анализируемого типа, допускает, таким образом, двоякую логическую интерпретацию. Она может быть обозначена:

- 1) экзистенциальным высказыванием с актуализованным приименным определением выделительного типа;
- 2) субъектно-предикатной структурой, в которой субъект отмечен неопределенным или отрицательным детерминантом.

В первом случае (т. е. при неопределенном детерминанте) предикат относится к части класса, во втором (при негативном детерминанте) — ко всему классу или совокупности предметов.

Употребление субъектно-предикатной структуры в целях квалификации неопределенной части множества является в известном смысле расширением области предик-

кации в логическом понимании этого термина. Напротив, употребление экзистенциальной структуры для характеристики целиком взятой совокупности предметов, можно считать расширением области бытийности.

Совмещение в высказывании отношений экзистенции и предикации ведет к тому, что отрицание признака (т. е. отношений предикации) есть одновременно и отрицание существования выделенной по данному признаку категории объектов (т. е. отношений экзистенции). Иначе говоря, в предложениях такого рода невозможна актуализация атрибута имени без актуализации показателя существования. В них одновременно входят в коммуникативный фокус и факт наличия некоторой категории предметов, и факт наличия в этой категории некоторого признака.

Чтобы сделать более наглядной описываемую ситуацию, сравним следующие два предложения: *Ложно, что у него лицо, излучающее свет ума и благородства; Ложно, что есть лица, излучающие свет ума и благородства.*

В первом предложении актуализовано определение имени «бытующего предмета». Поэтому на него и только на него распространяет свое действие отрицание.

Во втором предложении отрицание не может быть ограничено атрибутом имени: отрицая наличие признака в предмете, говорящий тем самым отрицает и существование самого разряда (вида) предметов, выделяемого по данному признаку.

Сказанное делает понятным, почему в предложениях этого типа не может отсутствовать глагол *есть*. В них, как и в сформировавшихся на их основе интродуктивных высказываниях, коммуникативный фокус расширен: в него входят два компонента семантической структуры бытийного предложения.

Следует заметить, что предложения, в которых область бытия представлена совокупностью предметов, отличны от суждений о мире типа *На свете есть лешие и домовые*. В первых речь идет о существовании некоторой частной категории объектов (подкласса), выделяемой по определенной, указанной в предложении черте. Поэтому само имя «бытующего предмета», соответствующее классу, обозначенному в «области бытия», не подводится под коммуникативный акцент, падающий только на атрибут имени, даже если он не выделен из действительного (ср. *среди*

учеников были лентяи и бездельники). В суждениях второго типа речь идет о существовании целиком взятого класса объектов, отделяемого от других классов не по некоторой дифференциальной черте, а по совокупности признаков, стоящих за номинацией класса. В них сообщается о возможности или невозможности воплощения данного набора признаков в субстанции.

* * *

Теперь следует сказать несколько слов о правилах употребления в русском языке глагола *есть* в настоящем времени бытийных предложений. Этому вопросу посвящено тонкое и обстоятельное исследование О. Н. Селиверстовой³⁰. Хотя ее непосредственным предметом являются предложения, в которых локализатор выражен формами *у тебя*, *у Петра* и пр., основные положения статьи верны и применительно ко всему полю бытийных высказываний, описанному выше. Некоторые различия между теми правилами, которые предлагает О. Н. Селиверстова, и нашим пониманием закономерностей употребления глагола *есть*, состоят не в существе дела, а скорее в системе использованных понятий.

О. Н. Селиверстова формулирует следующие два основных условия употребления глагола *есть* в бытийных предложениях типа «у X есть Y» и «у XY»: конструкция «у X есть Y» сообщает (1) о наличии Y у X, причем предполагается, (2) что Y является одним из ряда однородных объектов, которые имеет или может иметь X («М больше Y»). Напротив, конструкция «у XY» необязательно вносит информацию о наличии Y у X; она может употребляться для указания на то, какой именно Y имеется у X (наличие качественно неидентифицированного Y заранее известно). Эта информация реализуется в тех условиях, в которых выбор конструкции «у XY» не диктуется отсутствием компонента «М больше Y» (т. е. общий смысл контекста не противоречил бы утверждению, что «М больше Y»). В других условиях конструкция «у XY» может сообщать о наличии Y у X, но, в отличие от модели «у X есть Y», она не несет сведений о том, что Y обязательно является лишь

³⁰ О. Н. Селиверстова. Семантический анализ предикативных при-
тяжательных конструкций с глаголом *быть*. ВЯ, 1973, № 5.

одним из множества однородных объектов, которые имеет или может иметь X»³¹.

Применительно к целиком взятому полю бытийности мы предпочли бы несколько отличные формулировки общих закономерностей употребления и неупотребления глагола *есть*, которые, впрочем, нельзя считать абсолютными. Отклонения от них связаны с задачами стиля, значением конструкции и семантическим разрядом имени, входящего в бытийное предложение (см. стр. 235).

1. Глагол *есть* присутствует в предложении, когда он попадает в коммуникативный фокус или несет на себе особое логическое ударение (оппозиция *есть* — *нет*). В рамках этой общей закономерности могут быть конкретизованы следующие случаи.

1) Глагол *есть* наличествует в общем вопросе бытийного типа и ответе на него, а также в высказывании, имплицитующем общий вопрос. Ср. *У него есть друзья (родители, квартира, время, недостатки, совесть, сердце и пр.)? В лесу есть грибы (птицы, цветы, волки, елки и т. п.)? Разве у вас темерь есть что-нибудь общее со странствующей комедианткой?* (Куприн), *У тебя есть эта (= такая) книга? Да, эта книга у меня есть.*

Поскольку в предложениях этого типа речь идет о вполне определенных классах предметов и явлений и сообщение касается их наличия или отсутствия, то оно обычно не стремится исчерпать всего того, что имеется в данной области бытия: говорящего, равно как и его адресата, интересует лишь наличие определенных категорий предметов. Спрашивая «У тебя есть деньги?», говорящий оставляет вне своего внимания вопрос о том, есть ли у адресата что-нибудь еще кроме денег, например, книги, квартира, бриллианты или друзья. Это создает впечатление, что глагол *есть* употребляется тогда, когда множество бытующих предметов в сообщении не исчерпано (см. выше правила, сформулированные О. Н. Селиверстовой). Вернее, как нам кажется, было бы считать, что в этом случае вопрос о наличии других предметов в данной области бытия снят.

2) Глагол *есть* всегда присутствует, если наличие одного предмета противопоставляется отсутствию другого, либо

³¹ О. Н. Селиверстова. Семантический анализ предикативных прилагательных конструкций с глаголом *быть*, стр. 104. — Символом М обозначается 'множество'.

наличие некоторого предмета в одной области бытия противопоставлено его отсутствию в другой области бытия. Ср. *Чай у нас есть, а вот сахару нету; У меня есть только взгляд, а голоса (души) нет* (Блок); *У всех есть пособники, а у него нет, у всех есть укрыватели, а у него нет* (Салтыков-Щедрин).

3) Глагол *есть* всегда присутствует, когда высказывание служит реакцией на эксплицитное или имплицитное предложение обратного значения: говорящий как бы исходит из пресуппозиции существования противоположного мнения. Ср. *У нее все таки-есть небольшой шрам на лбу; У него, как выяснилось, все-таки есть средства; Ты думаешь у меня нет врагов? Ты ошибаешься: они у меня есть; Есть зло, но есть и добро* (соглашаясь с фактом существования зла, говорящий в то же время опровергает предполагаемое мнение, что существование зла исключает существование добра).

4) Глагол *есть* всегда находится в коммуникативном фокусе, требующем его «личного» присутствия, если в позиции имени стоит неопределенное местоимение, не указывающее на какие-либо классификационно значимые черты предмета, т. е. если имя не может попасть в коммуникативный фокус. Ср. *У него что-то есть на уме; У нее есть кто-то; А все однако же, как поразмыслишь, во всем этом, право, есть что-то* (Гоголь).

Если бы мы шли обратным путем и приняли бы за отправную точку правило о неупотреблении глагола *есть*, то в самом общем виде оно могло бы быть сформулировано так: глагол *есть* не употребляется, когда в коммуникативный фокус попадает класс «бытующего предмета», т. е. когда высказывание эксплицитно или имплицитно соотносится с вопросами типа *Что в комнате? Что там на комод? Что у нее? Что с ним? Что у него на совести?* и пр. Ср. возможные ответы на эти вопросы: *В комнате стол, стулья и кровать; На комод зеркало и несколько фотографий. У нее грипп; С ним приступ меланхолии; У него на совести целых три злодеяния.* Глагол *есть* опускается и тогда, когда смысл сообщения состоит в противопоставлении категорий предметов, бытующих в разных областях. Ср. *У нас — друзья, у них — богатство.*

Такого рода предложения содержат категоризацию предметов или понятий, самое существование же некоторых объектов в данной области бытия составляет пресуп-

позицию сообщения. Поскольку вопрос касается разряда, типа, свойств и пр. бытующего предмета, то в ответе говорящий, естественно, стремится удовлетворить спрашивающего, дав полную рубрикацию имеющихся в данной области бытия объектов. Так, предложение *В комнате стол, стул и кровать*, как справедливо отметила О. Н. Селиверстова, сообщает обычно о полной мебелировке комнаты, а высказывание *У нее муж и двое детей* характеризует весь состав ее семьи.

То же требование полноты информации (разумеется, при определенном уровне детализации) применяется и к описательным, в частности фоновым, высказываниям, например, вводным ремаркам в пьесах. Ср. *К магазину примыкал низкорослый, длинный, с подвалом сарай, саженьх в двадцати от него — кирпичный перстень церковной ограды и церковь с куполом, похожим на вызревшую зеленую луковицу (Шолохов); ... налево (от актеров) небольшой письменный стол, перед ним кресло, далее железный денежный сундук — шкаф, вделанный в стену; в углу дверь в спальню; с левой стороны диван, перед ним круглый обеденный стол (А. Островский).*

Ставя в коммуникативный фокус класс предмета, а не факт наличия предмета данного класса, такие предложения легко редуцируются к одночленному типу. Ср. *Что в комнате? Стул, стол и кровать; Что у него? Как-будто грипп.*

2. Глагол *есть* присутствует всегда, когда коммуникативный фокус падает на атрибут имени, обозначающего неопределенное количество. Иными словами, *есть* служит показателем неопределенности субъекта суждения. Ср. *Есть минуты, которые нельзя забыть* = некоторые минуты нельзя забыть; *У меня есть знакомый, который объехал вокруг света* = один из моих знакомых объехал вокруг света; *есть люди, которые никогда ни с кем не считаются* = некоторые люди никогда ни с кем не считаются. Очевидно, что это правило относится к тем случаям, когда область бытия представлена множеством предметов. Напротив, если атрибут отнесен к вполне определенному предмету или классу предметов, вследствие чего предложение тяготеет к связочному типу, выражающему предикацию, глагол *есть* неупотребителен. Ср. *Руки у него ловкие; Глаза у нее голубые; Волосы у ребенка золотистые; Костюм у него синий.* Наличие или отсутствие

есть связано, таким образом, с категорией определенности или неопределенности имени.

Сформулированные выше общие закономерности употребления бытийного глагола относятся к разному материалу. Первое правило применимо к предложениям, в которых коммуникативный фокус падает либо на показатель бытия, либо на класс бытующего предмета. Второе правило регулирует употребление глагола *есть* в тех случаях, когда коммуникативный фокус сосредоточен на определении имени, т. е. предложения как с *есть*, так и без глагола имеют одинаковую актуализацию. Разница состоит лишь в том, что предложения с *есть* касаются ситуаций, в которых область бытия понимается как некоторая совокупность предметов, а предложения без *есть* касаются тех случаев, когда, независимо от того как представлена область бытия, она преобразуется в детерминант, придающий имени определенность.

Таким образом, приведенные общие закономерности употребления глагола *есть* относятся к разному материалу. Они поэтому не находятся между собой в иерархических отношениях.

Первое из названных выше общих правил носит прагматический характер, т. е. употребление или неупотребление глагола *есть* регламентировано условиями реализации речевого акта, такими как коммуникативный акцент, предполагаемая степень осведомленности адресата речи и пр. Наличие или отсутствие глагола не меняет объективного содержания высказывания: *есть* ничего не прибавляет к той информации, которая сообщается адресату речи об обозначаемой ситуации (событии). Ср. *У нее есть дети* и *У нее дети*; *У них есть дача* и *У них своя дача*; *У меня в этом городе есть знакомые* и *У меня в этом городе знакомые*. В прошедшем и будущем времени, а также в сослагательном наклонении возможна только одна форма высказывания (*У нее были дети*; *У них будет своя дача* и пр.), которая удовлетворяет любому коммуникативному заданию, не создавая омонимии.

Второе правило может быть охарактеризовано как логико-семантическое. Касаясь предложений с одинаковым типом актуализации, оно способно создать ситуацию семантической противопоставленности высказываний с эксплицированным и неэксплицированным глаголом. Ср. *У него есть седые волосы* (*золотые зубы, интересные книги*,

глубокие мысли, тонкие наблюдения, хорошие друзья и пр.) и *У него седые волосы* (золотые зубы, интересные книги, глубокие мысли, тонкие наблюдения, хорошие друзья и пр.). В первом случае атрибут отнесен к неопределенной части членов класса, во втором — к целиком взятой совокупности предметов или явлений. Это различие лежит в сфере семантики и существенно для понимания референтного смысла сообщения. Поэтому оно стремится «выйти на поверхность» во всех формах предложения так, чтобы дать возможность говорящему избежать ловушки омонимии. Различие содержательного порядка, в отличие от прагматических различий, достаточно четко проходит по всем членам парадигмы этих предложений:

Наст. вр.

<i>У нее седые волосы</i>	}	<i>У нее есть седые волосы</i>
<i>Волосы у нее седые</i>		
<i>У нее волосы седые</i>		

Прош. вр.

<i>У нее были седые волосы</i>	}	<i>У нее были седые волосы</i>
<i>Волосы у нее были седые (седыми)</i>		
<i>У нее волосы были седые (седыми)</i>		

Буд. вр.

<i>У нее будут седые волосы</i>	}	<i>У нее будут седые волосы</i>
<i>Волосы у нее будут седые (седыми)</i>		
<i>У нее волосы будут седые (седыми)</i>		

Сосл. накл.

<i>У нее были бы седые волосы</i>	}	<i>У нее были бы седые волосы</i>
<i>Волосы у нее были бы седые (седыми)</i>		
<i>У нее волосы были бы седые (седыми)</i>		

Еще более явственно структурно-семантические различия обнаруживают себя в отрицательных формах:

- 1) *У нее нет (не было, не будет, не было бы) седых волос;*
- 2) *У нее не седые волосы; Волосы у нее не седые; Волосы у нее не были седые (седыми); Волосы у нее не будут (не были бы) седые (седыми)* и т. д. Ср. также различия в периферийных членах парадигмы: *Волосы у нее сделались (стали) седые (седыми)* и *У нее появились седые волосы.*

Таким образом, между предложениями *У нее есть седые волосы* и *У нее седые волосы* существуют глубокие структурно-семантические различия. Первое предложение содержит имя, обозначающее неопределенную часть некоторого множества. Глагол *есть* выражает в нем значение бытийности. Во втором случае имя обозначает целиком взятый класс предметов, детерминируемый формой *у меня*, *у нее* и пр. Глагол *быть* скрывает за собой связку, а все предложение выражает отношение предикации. Указанные структурно-семантические различия стремятся получить формальное выражение. Отсутствие дифференциации в некоторых формах создает омонимичные высказывания *Ср. У нее были седые волосы.*

* * *

Предложенная выше классификация высказываний, образующих обширное для русского языка поле бытийности, не является исчерпывающей. В ней не были учтены некоторые частные разряды бытийных предложений, в которых область бытия «идеальна», т. е. соответствует суждениям, высказываниям, художественным произведениям, научным сочинениям, системам понятий и прочим «фрагментам» области духа, а не материи. Касаясь вскользь предложений этого типа, мы хотим обратить внимание на следующие два момента. Поскольку сфера идеального не есть место пребывания конкретных предметов, в высказываниях этого типа имя может означать только качество, свойство и пр. *Ср. В этой концепции есть противоречия; В его словах много правды.* Вследствие этого экзистенциальные предложения, сообщающие об идеальной сфере бытия, соотносительны с предложениями качественной предикации, т. е. указывают на свойство идеального субъекта. *Ср. В концепции есть противоречия = Концепция противоречива; В его словах есть много правды = Его слова во многом правдивы.* Поскольку область идеального порождена человеком, то сообщения, к ней относящиеся, могут прямо или опосредованно характеризовать лицо. *Ср. В приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства (Гоголь) = Его приемы и обороты заискивали расположения и знакомства = Он приемами и оборотами заискивал расположения и знакомства; Но замечательно, что в словах его была все*

какая-то нетвердость (Гоголь) = В нем была какая-то нетвердость = Он был несколько нетверд.

Не рассматривался специально тип бытийных предложений, относящихся к конкретным предметам (ср. *У стула нет ножки*), остались вне анализа и некоторые другие узкие разряды. Цель настоящего описания состояла в указании на исключительное семантическое разнообразие русских бытийных предложений, их полифункциональность, а также на взаимодействие экзистенции с другими логико-синтаксическими типами отношений. Для достижения этой цели вполне достаточно описания основных семантических категорий поля бытийности.

Для того чтобы сделать вывод о продуктивности экзистенциальности более убедительным, приведем небольшой связный текст: *На завтра у меня были большие планы. Работы у меня сейчас уйма. Кроме того, есть много всяких других дел. Завтра конференция, у меня там доклад, вечером гости. На следующее утро у меня мигрень. В голове каша, ни одной мысли. Под глазами круги. Вдруг звонок в дверь. На площадке сосед. На нем мятая рубашка с расстегнутым воротом. У него, видно, тоже головная боль. Под глазами мешки, на лбу ссадина — Что с вами? — У вас есть деньги? — Немного есть. — Есть потребность опохмелиться, а получка у меня только послезавтра. Вчера свадьба была у племянницы. Гостей было много, вина и того больше. Теперь нет мочи. В голове пустота. На душе муть. — Совесть у вас нет и души тоже. Оправдания нет вам никакого. Нет у меня к вам сочувствия и жалости. Есть же такие люди, которым на все и всех наплевать. — Может быть, во мне совести нет, а в вас нет сердца.*

Приведенный текст естественен для русского языка, в особенности для русской разговорной речи. Между тем он состоит только из бытийных предложений. Последние настолько семантически подвижны, что повторяемость одной модели почти 30 раз подряд не создает впечатления искусственности и унылого однообразия.

Теперь дадим небытийную версию того же текста: *Я составил на завтра большой план. Сейчас я много работаю. Кроме того я должен сделать еще уйму других дел. Завтра я пойду на конференцию и буду выступать там с докладом. Вечером ко мне придут гости. На следующее утро просыпаюсь с мигренью. Мысли путаются, думать не могу. Глаза обведены кругами. Вдруг звонят в дверь. На*

площадке стоит сосед. Он одет в мятую рубашку с растегнутым воротом. Видимо, у него тоже болит голова. Глаза опухли, лоб украшает ссадина. — С вами что-то случилось? — Вы имеете деньги? — Немного имею. — Мне нужно опохмелиться, а зарплату я получу только послезавтра. Вчера я ходил на свадьбу к племяннице. Пришло много гостей. Хозяева выставили много вина. Теперь чувствую себя муторно. Голова пустая. Душа горит. — Бессовестный вы и бездушный человек. Никто не сможет вас оправдать. Я не испытываю к вам сочувствия и не жалею вас. Вы относитесь к числу тех людей, которым на все и всех наплевать. — Может быть, я бессовестный, а вы бессердечный.

В этом втором варианте есть предложения, нарушающие узус и вызывающие в памяти формулировки анкет, протоколов, опросов, (ср. *Вы имеете деньги? — Немного имею*). Текст и в целом несет на себе печать официальности, которую не снимает даже использование разговорной лексики. Из двух «крайних» (несмешанных) версий одного текста бытийный вариант представляется нам более соответствующим духу русской речи.

Роль бытийной модели, однако, не ограничивается в русском языке тем, что, благодаря своей чрезвычайной семантической гибкости, она может служить практически любой коммуникативной цели. Бытийная модель, по-видимому, оказалась очень существенной для формирования синтаксического строя русского языка. Структура бытийного предложения, как можно думать, лежит в основе широко используемого в русском языке типа предложений с актуализованным субъектно-предикатным комплексом, состоящим из лексически значимого глагола и (обычно) нереферентного имени ³². Ср. следующие ряды предложений, в которых постепенно нарастает лексическая значимость глагола, отдаляющая предложение от бытийного стереотипа:

*В деревне|были солдаты; В деревне|стояли солдаты;
В деревне|расположились на постой солдаты; В деревне |*

³² И. А. Попова справедливо подчеркнула близость к бытийным предложениям типа *Был мороз* «двусоставных, но при этом «одночленных» или «нерасчлененных» предложений, характеризующихся постпозицией подлежащего: *Наступила зима, Начались морозы, Пошел снег и т. п.*» (И. А. Попова. О «двусоставности» номинативных предложений, 181).

работали солдаты; В деревне | мародерствовали солдаты;

В клубе | были студенты; В клубе | репетировали студенты; В клубе | пели студенты; В клубе | веселились студенты и пр.

В поле | была рожь; в поле | росла рожь; В поле | убирали (жали) рожь; В поле | легла рожь и т. п.

У меня мигрень; У меня | болит голова; У меня | раскалывается голова; У меня | стучит в виске.

Преобразование бытийных предложений в предложения характеристики представляет собой живой, активно протекающий процесс. Им обусловлены некоторые особенности русского синтаксиса, в частности специфика детерминации имени: показатель определенности существительного обнаруживает отчетливую зависимость от локализатора бытийных предложений, которая проявляется в разнообразии форм, их лексической конкретности, а также в тенденции к постпозиции. Ср. Мужики в этой деревне работающие; Роца за дорогой залита солнцем; Букет у нее в руках был из полевых цветов. Детерминация имени, как показывают приведенные примеры, не была унифицирована по генитивному типу. Для русского языка более естественно сказать Дома на этой улице были старинные, чем Дома этой улицы были старинные. Между тем в ряде европейских языков есть тенденция к выражению локальной детерминации имени единообразно, пользуясь моделью, передающей генитивные отношения, ср. англ. the houses of this street, исп. las casas de esta calle, фр. les maisons de cette rue ³³.

³³ О большей «локальности» русского языка сравнительно с французским писал В. Г. Гак в кн. В. Г. Гак, Е. Б. Ройзен-блит. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965, стр. 179 и сл.